

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ДЖЕЙН КОРРИ

ЛОЖЬ,
КОТОРУЮ
МЫ ПРОИЗНОСИМ

Психологический триллер (АСТ)

Джейн Корри

Ложь, которую мы произносим

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Корри Д.

Ложь, которую мы произносим / Д. Корри — «Издательство АСТ», 2021 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-147129-3

Даже хорошие родители не знают своих детей и понятия, в сущности, не имеют, на что те способны. Сара и Том искренне любят сына-подростка Фредди и хотят быть для него лучшими отцом и матерью. Но однажды мальчик сообщает им, что совершил нечто ужасное, и умоляет не ставить в известность полицию... Очень скоро Саре и Тому предстоит узнать, как далеко они готовы зайти ради единственного ребенка. Одна ложь сменяет другую, тайн становится все больше и больше. Саре представляется возможность спасти Фредди, но какой ценой?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147129-3

© Корри Д., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Сара	6
Сара	12
Часть первая. Том и Сара	13
Глава 1. Том	13
Глава 2. Сара	19
Глава 3. Том	23
Глава 4. Сара	31
Том	35
Глава 5. Том	36
Глава 6. Сара	39
Глава 7. Том	43
Глава 8. Сара	47
Глава 9. Том	51
Глава 10. Сара	53
Глава 11. Том	56
Глава 12. Сара	59
Глава 13. Том	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джейн Корри

Ложь, которую мы произносим

Моей семье, а особенно моему отцу, Майклу Томасу, который поощрял мою любовь к чтению и в мои детские годы подбадривал меня девизом: «Просто делай все возможное»

Jane Corry

THE LIES WE TELL

First published as THE LIES WE TELL in 2021 by Viking, an imprint of Penguin General

© Jane Corry, 2021

© Перевод. М. Акимова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Дождь.

Такой, что волосы облепляют голову.

Скука.

Такая, что ждешь хоть ЧЕГО-НИБУДЬ.

Чей-то смех.

Такой, что хочется присоединиться.

Хочется понравиться.

Чего бы это ни стоило.

Сара

Фредди должен был уже вернуться.

– В полночь и ни секундой позже, – сказала я. Или, скорее, взмолилась.

На этом мы сошлись после недолгих переговоров, а потом сын умчался в своих нарочно разодранных джинсах, замызганных кроссовках и тонкой белой футболке, на которой красным фломастером было написано: «НЕНАВИЖУ ЭТОТ МИР». И без куртки, хотя на дворе март.

Почему подростки не чувствуют холода?

Я рано задремала, хотя не собиралась, но чутко прислушивалась к звукам. В зависимости от того, как сильно буйствовали у парня почти шестнадцати лет гормоны, он мог либо красться на цыпочках, либо громко топтать по лестнице.

Однако сейчас неоновые цифры будильника на прикроватном столике сообщают, что уже 2:53 ночи. Резкий укол страха пронзает мои внутренности. Где же сын? И почему не написал эсэмэс? Я отправляю сообщение: «Ты в порядке?» Ответа, конечно, нет.

Нашупав в темноте тапочки, огибаю коробки с надписью «Главная спальня» и подхожу к деревянной створке окна. Несмотря ни на что, я буду скучать по этому старому дому. Снаружи, на тихой улочке северного Лондона фонари льют оранжевый свет в наполненные водой выбоины, которые городской совет обещал заделать «в ближайшее время». Если верить радио, выдалась самая дождливая весна за последние пять лет. Никого не видно. Даже машины не ездят.

Я заползаю обратно под одеяло, размышляя, что же делать. Фредди никогда прежде не приходил так поздно. Не хочу будить Тома, но вдруг что-то случилось? Я наклоняюсь над мужем. Он лежит ко мне спиной, плечи поднимаются и опускаются в ровном крепком сне – под стать его характеру. На нем, разумеется, пижама, как и всегда с тех пор, как мы знакомы. На этой синие и белые полоски. От простыней доносится слабый запах вчерашнего секса, того торопливого секса, который случается у нас на каждую голубую луну, словно мы сами себе доказываем, что нам все еще неплохо вместе.

«Могло быть неплохо, если бы не Фредди».

Чувствуя вину, гоню эту мысль из головы. Нет, я не буду будить Тома. Это лишь вызовет очередную ссору. Кроме того, утром приедут грузики, закончат сборы и увезут нас. Это наше новое начало. Наш чистый лист. Не хочу все испортить.

Я пытаюсь немного почитать при свете фонарика. Наша комната – последняя в доме, где остались несобранные вещи. Я допоздна паковала коробки и сдалась только из-за сильной усталости, пообещав себе встать пораньше, чтобы все закончить. Кроме того, это помогает сохранять некоторую нормальность. Я ненавижу ощущение неустроенности, когда дом – вовсе не дом, поскольку стоит полупустой или готовится к переезду. В юности я достаточно намучилась, перевоза свои вещи с места на место, но в этот раз твержу себе: оно того стоит.

Должно стоять. Если это нам не поможет, то и не знаю, на что тогда надеяться.

На моем прикроватном столике рядом с часами лежит неровная стопка из романов, журналов, книг по искусству и антологии поэзии («Цветы других мужчин»), которые обычно меня успокаивают. Со стороны Тома лишь сборник продвинутых кроссвордов. Внутри – надпись: «Папе. Счастливого Рождества. С любовью, Фредди». Мне пришлось подделать почерк, потому что наш сын «не собирался страдать фигней». Пришлось даже самой купить эту несчастную книжку.

Я стараюсь не смотреть на время, поскольку, если не смотреть, Фредди просто вернется и все мои волнения окажутся ерундой. Но ничего не могу с собой поделать.

3:07.

Последние две цифры заставляют почувствовать себя намного хуже, потому что наступил следующий час. От беспокойства шрифт на странице, которую я пытаюсь прочесть, плывет перед глазами.

Внезапно мне делается досадно, что муж крепко спит, пока я паникую. Хотя разве так было не всегда? Он – разумная и прагматичная половина. А я? Я – та, чье воображение вносит хаос в мысли.

На самом деле неудивительно, учитывая мое прошлое.

– Том, – говорю я, толкая мужа, – Фредди все еще не вернулся.

Он сразу же просыпается. Мой муж из тех, кто свешивает ноги с кровати в ту же секунду, как звонит будильник. Он мгновенно приходит в боевую готовность, словно кто-то внутри него щелкнул переключателем. Мне нужно больше времени, чтобы встретить новый день, предположительно обхватив ладонями чашку горячего сладкого чая. Но не с сахаром. Непременно с медом. За последние несколько лет я стала более осторожна в выборе продуктов. Возможно, это признак зрелости.

– Сколько времени? – спрашивает Том.

– Четвертый час. – Мой голос срывается на панический писк. – Он обещал вернуться к полуночи.

– Ха! Этот мальчишка никогда не выполняет своих обещаний.

– Этот мальчишка, – натянуто произношу я, отодвигаясь к дальнему краю кровати, – наш сын. У него есть имя.

В темноте раздается фыркание. Тоже гневное.

– Разве он на него откликается? Он вообще ни на что не откликается. Честное слово, Сара, ты бы спустила Фредди и убийство. Как он чему-нибудь научится, если ты не будешь устанавливать границы?

Я! Почему это постоянно моя вина? Кроме того, Фредди любит меня. Ведь все подростки испытывают своих родителей? Это часть обретения независимости.

Я подтыкаю обе свои подушки и откидываюсь назад, мысли о сне как рукой сняло.

– Знаю. Но если мы будем слишком строги с ним, то можем его оттолкнуть, и тогда он закончит как...

Я замолкаю. Между нами повисает тяжелая пауза. Каждый знает, о чем думает другой.

– Если мы будем с ним слишком строги, – повторяю я, – он может взбунтоваться.

Тон Тома – смесь из снисходительности и насмешки.

– Разве не этим он сейчас занимается? Вы договорились о комендантском часе. А он нарушил свое слово. Как и всегда.

– Знаю. Но быть подростком нелегко. Ты должен бы помнить.

– Я помню, но не вел себя так, как он.

«Или как ты».

Последнюю фразу мой муж не произносит. Ему и не нужно. Подтекст налицо, громкий и ясный.

– Ну, мы уже проснулись, – продолжает Том. – Я мог бы ему позвонить.

Позвонить? Фредди расстраивается, когда я так делаю. «Это стремно, я же с друзьями гуляю, – ругается он. – Просто напиши, мам». Но я уже писала, а он не ответил.

Том включает прикроватную лампу, и я прикрываю глаза.

Я гляжу на своего мужа как на незнакомца: высокий, похожий на сову мужчина с песочными волосами и от природы бледным цветом лица ищет свои очки в круглой стальной оправе и мобильный телефон рядом со сборником кроссвордов. Уже не в первый раз задумываюсь о том, как он постарел за последние несколько лет. Как бы то ни было, мы поздно стали родителями и, значит, в среднем старше многих пар на школьных собраниях. Особенно Том. А будь он моложе, относился бы к Фредди с большим пониманием?

Том издает расстроенное ворчание.

– Включается голосовая почта. Так или иначе, с кем он?

Я смотрю на свой телефон на случай, если Фредди написал мне за тот короткий промежуток времени, что прошел с моего последнего взгляда на экран. Но сын не написал.

– С другом.

– Но с каким?

– Не знаю, – признаюсь я, ломая пальцы. – Он мне не сказал.

– Ты должна была его заставить. Или, по крайней мере, узнать номер этого друга.

– Фредди не дал его.

Моя фраза вырывается почти криком. Это правда. Теперь сын очень мало рассказывает мне о своей личной жизни. И никого не приводит в дом с той ночи, когда устроил вечеринку. Совсем не так, как в детстве, когда я была центром его мира. Сейчас он уже почти взрослый. Пятнадцать и три четверти. Почти мужчина. Смутить своего сына-подростка – одно из худших преступлений, на которое способна мать. Я не хотела его оттолкнуть.

«А что, если ты не вернешься домой?» – сказала я, вспомнив последний раз, когда он остался с одним из этих так называемых приятелей и не предупредил меня. На следующее утро я проснулась в панике и уже собиралась звонить по 999, когда он появился на пороге. Оказалось, они слушали музыку и «заснули».

«Я вернусь», – ответил он. – У меня осталась здесь всего одна ночь. Это вы заставляете меня переехать. Дайте хотя бы разок повеселиться. Хватит волноваться».

Но теперь у меня есть на то причина. Он с тем же неизвестным «приятелем», что и раньше? Или лежит в канаве?

– Я пойду спать, – говорит Том. – У меня остались три часа и пятьдесят минут до подъема на работу.

Верно. Несмотря на переезд, Том ходит на работу как обычно. Он тут же отключается, его дыхание снова становится спокойным. Будто по щелчку пальцев.

Я откидываюсь на подушки и, полускрыв глаза, размышляю, сколько времени дать Фредди, прежде чем звонить в полицию. Что они сделают, если я позвоню? В нашей зеленой части северного Лондона домой опаздывают, наверное, сотни подростков. Большинство из них благополучно возвращается. Но что, если наш мальчик – один из тех, кому не повезло? Допустим, я проснусь под звуки радио, которое сообщит о еще одном зарезанном подростке. Всего лишь на прошлой неделе один такой попал на первую полосу местной газеты. У него было печальное выражение лица, словно он заранее знал, что умрет. Мне это напомнило стихотворение Йейтса об ирландском летчике, предвидевшем свою смерть. На зернистой фотографии выделялись необычно густые брови, они, казалось, тянулись к взрослой жизни, с которой он уже никогда не встретится.

Внизу раздается лай. Это Джаспер, наш шоколадный лабрадор. Я вскакиваю с кровати, хватаю халат и лечу вниз по лестнице. Кто-то стучит в дверь. Полицейские? Произошел несчастный случай? Фредди попал под машину? Он принял наркотики?

Я открываю дверь, меня трясет. Это он! Несмотря на его внешний вид, мое сердце наполняет облегчение. Сын насквозь промок. Лицо у него растерянное, черные кудри с левой стороны головы слиплись от дождя. Другая сторона коротко острижена – он сам это сделал на прошлой неделе. На сыне джинсовая куртка, которую я раньше не видела.

– Извини, – говорит он, протискиваясь мимо. – Я потерял ключ.

Опять? Уже третий раз в этом году. Придется сказать новым жильцам, хотя они, наверное, все равно захотят сменить замки. Что скажет Том? Я решаю пока ему не говорить. Главное, что наш мальчик дома, цел и невредим.

Облегчение сменяется гневом.

– Ты обещал вернуться вовремя... – начинаю я.

- Я же извинился?
- От тебя несет пивом. Сколько ты выпил?
- Немного.
- Четыре пинты? – нажимаю я.
- Пожалуйста, мама. Отстань.
- Безалкогольного?
- Я сказал, отстань, ладно?

Что-то не так. Фредди выглядит не вызывающе хмурым, как обычно, а беззащитным. Выбитым из колеи. Его темно-карие глаза – зеркальное отражение моих – покраснели. От слез. А он ведь не плакал уже много лет. Даже после той вечеринки.

- Что случилось? – спрашиваю я, но он молча поднимается наверх.

Я иду за ним, однако сын уже в своей комнате, дверь заперта изнутри на защелку. В прошлом году он настоял на том, чтобы ее прикрутить.

- Пожалуйста, милый,пусти меня, – умоляю я.
- Уйди, мама. Я в порядке.
- Откуда у тебя куртка?
- Мне ее одолжили. Она не ворованная, если ты об этом.

В прошлом году произошла история: Фредди вернулся с пластиковой защитой на новых джинсах, на которых все еще была этикетка с ценой. Он утверждал, что продавцы, должно быть, забыли ее снять. «Почему же тогда не сработала сигнализация?» – требовательно спросила я. Это привело к бурной ссоре, во время которой он обвинил меня в недоверии. Я отвела его обратно в магазин, и там выяснилось, что, действительно, он купил джинсы и с них забыли снять защиту. Видимо, сигнализация в тот день не работала.

Я жду некоторое время, умоляя его поговорить со мной, но он не произносит ни звука.

В конце концов я спускаюсь на первый этаж, чтобы выключить свет, а затем проскальзываю в кровать к Тому.

- Фредди вернулся? – бормочет он.
- Да.

Он отворачивается от меня.

- Тогда все в порядке.

Но это не так. Материнский инстинкт подсказывает мне, что *ничего* не в порядке. Я просто не знаю, что именно стряслось.

- Поговорю с ним утром, – добавляет муж.

Через несколько секунд он снова храпит.

Я жду, чтобы убедиться, что он спит. Затем встаю с кровати и на цыпочках направляюсь в спальню Фредди. Дверь открыта. Сына в комнате нет. Мой желудок сводит от паники, но потом я замечаю свет в ванной. Фредди сидит на краю ванны, на нем все еще мокрая куртка. Она распахнута, и я вижу, что футболка теперь не белая, а красная. На страшную секунду мне чудится, что это кровь, но потом я понимаю, что из-за дождя размазались красные чернила сделанной от руки надписи «НЕНАВИЖУ ЭТОТ МИР».

Слезы текут по его лицу. Он судорожно трясется. Дыхание шумное, хриплое. Я никогда не видела его таким.

– Фредди, – шепчу я, подаваясь вперед и обнимая его. Жду, что начнет вырываться, но этого не происходит. – Что случилось?

Нет ответа. Он продолжает рыдать. Я беру его лицо в ладони, хочу заглянуть в глаза и повторяю:

- Что случилось?

Снова жду, что он оттолкнет меня. Со своим обычным подростковым презрением ответит, что это не мое дело. Но вместо этого он съеживается и выдавливая из себя:

– Мама, я кое-кого убил.

– Ты *что*? – шепчу я, по спине пробегает холодок. Перед глазами мелькает лицо молодой женщины.

«Нет! Помогите мне!»

У него испуганные глаза. Как в детстве, когда он впервые получил взыскание и нам пришлось идти разбираться в школу. Но это куда хуже. Этого просто быть не может.

– Я кое-кого убил, – повторяет он.

«Нет! Эмили!»

Я так потрясена, что не могу говорить. Мои мысли мечутся в тумане.

Он не мог этого сделать. Только не мой милый, нежный мальчик, которого я так старалась зачать. Да, конечно, у него сейчас сложный период. Как у большинства подростков. Но убийство? Холодное умышленное лишение жизни? Только не мой Фредди.

Затем он смотрит над моим плечом. И что-то видит. Я оборачиваюсь. В дверях Том.

– Кого-то убил? – повторяет муж. Его глаза сверкают гневом. Ужасом. Отвращением. Он протискивается мимо меня и хватается Фредди за воротник мокрой куртки, пытается оторвать сына от земли. – Что ты, черт возьми, имеешь в виду?

– Не трогай его! – кричу я.

– Тогда ему лучше, черт возьми, объяснить, что происходит, – отвечает Том.

– Я не могу, – всхлипывает Фредди.

– Нет, можешь! – рычит Том, отталкивая его. Мой муж всегда был строгим родителем, но таким его я никогда не видела. Кулаки подняты. Шея напряжена. Я инстинктивно двигаюсь, чтобы встать между сыном и мужем.

Лицо Фредди багровеет. От гнева или боли? Трудно понять.

– Я же сказал, что не могу рассказать! – кричит он.

– Но ты должен! – повышаю голос и я. – В молчании нет смысла.

– Это потому, что он лжет. Разве ты не видишь, Сара?

– Это так, Фредди? – умоляю я. – Просто скажи нам правду. Мы поможем тебе справиться.

Фредди бросает на меня взгляд. Его неподвижные черты искажает мука. А еще ненависть.

– Мы? – повторил он. – Не думаю, что отец поможет мне пройти через это.

У Тома лицо как кремль.

– Я не помогаю тем, кто нарушает закон.

– Даже собственному сыну? – спрашивает Фредди.

Я смотрю на двух главных мужчин своей жизни, переводя взгляд с одного на другого. Все это кажется нереальным. Словно кино.

– Даже собственному сыну, – повторяет мой муж. – Если не скажешь, что именно ты сделал, я тебя сдам.

Том направляется к двери.

– Ты куда? – спрашиваю я, заранее зная ответ.

– А ты как думаешь? Звонить в полицию.

Фредди начинает выть, точно зверь. Внизу сочувственно откликается Джаспер.

В полицию? Мое сердце бьется о грудину, удары становятся громче и сильнее, будто внутри меня целая клетка бабочек с железными крыльями, и они рвутся на волю.

«Помогите!»

– Нет, – кричу я, хватая Тома за рукав пижамы. – Не сейчас.

Муж пристально смотрит на меня. Словно тоже гадает, кто перед ним, как недавно думала о нем я.

– Сара, – медленно произносит он, обращаясь ко мне, точно к ребенку, которому нужно разъяснить нечто элементарное, – разве ты не понимаешь? Только это и нужно сделать.

Но это не так.

Я не допущу.

Это не может повториться снова.

Не с моим мальчиком. Не с моим драгоценным единственным сыном. Я сделаю все для его спасения. Абсолютно все.

Сара

Королевский суд Труро

– Всем встать, – произносит секретарь суда.

Мы стоим в нерешительности. Не зная толком, что должно произойти. Благоговея перед этим огромным залом с большими мониторами на стенах, рядами широких, заваленных бумагами столов, мрачными мужчинами и женщинами в париках, присяжными, шушукающимися со смесью неловкости и чувства собственной значимости. Им предстоит решить судьбу не только обвиняемого, но и всех, кто с ним связан.

Например, мою. Матери. Матери, которая любит своего сына. Женщины, лишившейся мужа.

Я не ожидала, что зал суда будет таким. Он слишком современный. Те, что я видела по телевизору, были старыми, обшитыми деревянными панелями, с суровым судьей и испуганным обвиняемым, съжившимся на открытой трибуне.

Но это больше похоже на «умный» конференц-зал. Судья – женщина средних лет. У нее розовая помада и фиолетовое платье с красным поясом, но это мало смягчает строгость ее серебристо-белого парика.

И все же единственный, кто меня интересует, – молодой человек с испуганными глазами, который сидит в застекленной клетке и смотрит по сторонам в полном оцепенении. Моя материнская часть рвется его утешить. Обнять этот слегка помятый пиджак. Сказать, что я ему, конечно, верю. Но другой части меня становится дурно от отвращения.

Когда барристер обвинения в своей вступительной речи принимается излагать суть дела, мои глаза начинают закрываться под тяжестью всего этого. Мысли уносятся в прошлое.

Не к той ночи, когда Фредди очень поздно вернулся домой. Мокрый до нитки. В чужой куртке. Гораздо раньше. К тому дню, когда я познакомилась с его отцом. Когда все началось.

По крайней мере, я так вижу. Том может смотреть на это иначе. И вы тоже.

Часть первая. Том и Сара

Глава 1. Том

Вегетарианское ризотто. Первое блюдо, которое приготовила для меня Сара. Я ненавижу рис со школы – там нас пичкали им практически насильно. Особенно в каникулы, когда я оставался в пансионе, поскольку мой отец был в разъездах. В то время я принимал это без вопросов. То, что он работал за границей, а не все остальное.

– А ты знаешь, что рис является основным продуктом питания более чем для половины населения земного шара? – спросил я у Сары в тот первый вечер. И осознал, что, пока говорил, снял очки, тщательно их протер и снова надел. Я делал так, когда нервничал.

Сара посмотрела на тарелку у себя на коленях, словно я только что раскритиковал ее стряпню. Затем она опять взглянула на меня с почти детским выражением лица, которое заставляло задуматься: сколько же ей лет? Прошлый опыт научил меня тому, что угадать возраст женщины довольно трудно, а неверная цифра может вызвать сильную обиду. Нужно проявлять крайнюю осторожность.

Две необычайно толстые розово-голубые косы и широкая синяя юбка в белый горох представляли любопытное сочетание с парой тяжелых шнурованных ботинок. «Доктор Мартинс», так их, кажется, называли. Хотя в девяностые подобное было в моде. Коричневые ботинки лежали рядом на полу, там, куда она их небрежно бросила.

Единственное, что я мог сделать, – не пытаться поставить их аккуратно.

И вместо этого заставлял себя глотать застывшие комки риса.

– Восхитительно, – ответил я, хотя ненавижу врать. Того, кого в нашей школе ловили на лжи, директор порол прямо на трибуне во время собрания. «Уилкинс! Поднимайся сюда. Немедля». В конце концов, школа была католическая – ложь означала, что ты попадешь в ад.

Или, возможно, мое отвращение к вранью родилось из неуклюжей полуправды отца о том, как долго он встречался с моей будущей мачехой после – или до – смерти моей матери. Мне тогда было восемь.

Мы сидели скрестив ноги друг напротив друга в креслах-мешках у электрического камина в спальне Сары. Я никогда раньше не сталкивался с креслами-мешками, и, честно говоря, мне было трудно сохранять равновесие.

Координация никогда не была моей сильной стороной. А еще спорт, как ясно дал понять вспыльчивый учитель физкультуры. Мой амблиопический левый глаз – большинство людей называют это «ленивым глазом» – мешал четко видеть мяч. Я ненавидел каждую секунду урока физкультуры. По сути, единственное приятное воспоминание о школе – это мой друг Хьюго. Только он меня понимал.

– Откуда ты родом? – спросил я, проглотив еще одну ложку ризотто.

Сара одарила меня еще одной сияющей улыбкой – такой очаровательной, что от нее невозможно было отвести взгляд. Подобные метафоры мне не свойственны, но как еще это назвать, я не знал. Я заметил, что брови у Сары были довольно густыми, на другом лице они могли бы показаться слишком приметными. Но с ее прекрасными карими глазами они составляли единое математическое уравнение.

– Честно говоря, я из довольно обычной семьи, – ответила она, склонив голову набок. Я обратил внимание, что шея у нее очень длинная и тонкая. – Нас было пятеро, – продолжала она. – У меня две сестры и два брата, хотя сейчас мы разбросаны по всему миру. Росли в муниципальном районе в Кенте и ходили в местную школу. Но зато тогда были счастливы и любимы. Это все, что нужно в жизни на самом деле.

Несмотря на муниципальный район и общеобразовательную школу, с которыми сам никогда не сталкивался, я не мог не позавидовать ей. Но все же заметил условное «тогда» рядом с «мы были счастливы и любимы».

Позже, когда я наконец рассказал о том, что происходило в школе, ее это шокировало. «Когда у меня будут дети, – произнесла она, сдвинув свои густые брови, – мне и в голову не придет отослать их прочь. И я убью любого, кто к ним прикоснется».

Глядя на ее стройную фигуру, подумаешь, что Сара и мухи не способна обидеть. Но к тому времени я уже начал подозревать, что внутри нее кроется определенная жесткость. Она отличалась от всех женщин, с которыми я пересекался.

Для начала у нее была маленькая серебряная сережка в правой ноздре. А еще Сара держала столовые приборы между большим и указательным пальцами, а не накрывала нож и вилку сверху, как меня учили. Но эта женщина меня завораживала. Она видела мир совершенно иначе, чем все, кого я знал. Замечала такие вещи, как пение черного дрозда или цвет неба, которое казалось мне серым, но, как она объяснила, было смесью зеленого, фиолетового и розового. А еще физическая сторона. (Мне почти неловко об этом говорить.) В моем представлении секс, как и деньги, не тема для обсуждений в приличном обществе. Но я не мог оторвать взгляд от этой гладкой, безупречной кожи и удивительных скул, которые так напоминали о моей матери.

До сих пор помню, как я сказал ей: «Твоя кожа похожа на бархат». Часть меня – та, о которой я даже не подозревал, – желала провести пальцем по лицу Сары, чтобы проверить, бархатистая ли она на ощупь.

Мой отец умер за месяц до нашего с Сарой знакомства. Но я знал, что бы он сказал, будь у них возможность встретиться: «Она не вполне одна из нас, да?»

В то время я влюбился в нее отчасти *потому*, что Сара была из другой среды. Что дало мне традиционное воспитание? Ничего, кроме боли.

Все, чего я хотел, – быть любимым и иметь настоящую семью. Жену и детей. Я пытался пойти традиционным путем с Арабеллой. Это не сработало. Так что, возможно, мне выпал шанс с кем-то, не похожим на тех, кого я встречал раньше. Мы с Сарой познакомились одним прохладным весенним вечером на уроке рисования «для начинающих и совершенствующихся». Я был из первой категории. Когда записывался на занятия, Хьюго решил, что это грандиозная шутка.

– Рисование? *Ты?* – захохотал он. – У тебя нет творческой жилки, Уилкинс.

Время от времени он называл меня по фамилии, как это водилось у нас в школе. Я решил не поступать с ним так же. Вспоминать те времена мне не хотелось.

– Как по мне, лучше бы ты держался цифр, – добавил он.

Хьюго был прав. Цифры были не просто безопасными, они еще и приносили доход в моей профессии. Но жену найти не помогли. Мне было тридцать пять. У банкира Хьюго с его женой Оливией подрастали двое детей, для которых я стал крестным отцом, хотя я не проявлял особенно отцовской заботы. И мне начинали надоедать комментарии вроде «Еще не остепенился?» или «Если ты не будешь осторожен, то превратишься в закоренелого холостяка, который проверяет сроки годности на упаковках». Будь я молодым сейчас, не стал бы беспокоиться из-за статуса холостяка. А тогда, в девяностые, было принято вступать в брак рано.

Как уже говорил, я думал, что Арабелла может оказаться той самой. Арабелла, которая работала личным помощником в солидном аукционном доме и повсюду следовала за мной в жемчугах и благоухании «Шанель», намекая, что скажет «да» по первому сигналу, о чем ее мать не раз давала понять.

Разумеется, я был польщен. Никто другой даже отдаленно не интересовался мной. Я по-прежнему слышал школьные насмешки: «Все еще глаза в кучу, Уилкинс?» В шестом классе на танцах мне отказали все девочки, к которым я набрался смелости подойти.

Поэтому, когда я познакомился с Арабеллой – через ее брата, учившегося со мной в университете, – и она согласилась сходить куда-нибудь, я не мог поверить своей удаче. Мы встречались почти четыре года. И все же у меня оставались сомнения. Как узнать, что кто-то подходит для семейной жизни, особенно если, как и я, не очень хорошо разбираешься в «слабом поле»? Но когда я решил, что вполне могу сделать предложение, она меня бросила.

Через автоответчик на моем телефоне.

«Мне очень жаль, Том. Я не думаю, что мы подходим друг другу».

Охваченный тем, что считал страстью, я в сильнейшем раздражении направился к ее квартире в Пимлико.

– Что значит «не подходим»?

У нее хватило порядочности выглядеть смущенной.

– Не пойми меня неправильно, Том, но ты слишком предсказуем. У тебя есть распорядок, который никому не позволено менять. Как будто ты все еще в школе. Ты слишком уравновешен, чтобы рисковать. А я хочу *большего*.

Оказалось, во время каникул в Корнуолле Арабелла познакомилась с серфером. Разумеется, богатым, который владел собственным пляжным отелем. И ушла. Несколько месяцев спустя в «Таймс» появилось объявление о свадьбе.

Внезапно Арабелла начала казаться мне идеальной женщиной, которой я по глупости позволил уйти. Мое прежнее отношение к браку «либо так, либо никак» теперь выглядело ошибочным. У меня никогда не было настоящей семьи, заслуживающей упоминания. Неужели я так и проживу всю жизнь? А что, если закончу ее в одиночестве – сварливой развалиной, которую интересуют только цифры и рутина? Одним из тех, чьи некрологи в «Дейли телеграф» заканчиваются словами «Умер неженатым», оставляя читателям возможность сделать собственные выводы.

Отказ Арабеллы все еще причинял боль, когда я, для разнообразия закончив работу пораньше, вышел пройтись и увидел объявление о занятиях рисованием в местном центре искусств в Хакни, где предусмотрительно, пока район не успели реконструировать, купил дом с террасой и тремя спальнями. Занятия шли тем же вечером. Должны были вот-вот начаться. Это совершенно не походило на то, что я когда-либо делал. «Слишком уравновешенный, чтобы рискнуть».

Я бы доказал, что Арабелла неправа. И что Хьюго тоже ошибается.

– Третья комната слева, – сказала девушка за стойкой. – У вас не так много времени, так что заплатите, когда будете уходить.

Я занял место за заваленным газетами столом. И сразу заметил Сару. Трудно было не заметить. Не только потому, что она была преподавателем, но и потому, что из-за ярко-красной помады, юбки в горошек и этих розово-голубых прядок в заплетенных темных волосах Сара выглядела так, будто направлялась на костюмированную вечеринку. Но чем она действительно выделялась, так это улыбкой. Широкой и лучезарной, которая могла сделать любого другого человека похожим на клоуна. Но у нее выглядела потрясающе.

Возможно, я просто знаю не так уж много улыбчивых людей. Самое близкое к улыбке, что я видел, – ухмылки моих коллег по работе при виде хорошего отчета. Наверное, я такой же. Но улыбка Сары осветила меня изнутри. Заставила почувствовать себя тепло, уютно, счастливо и наполнила надеждой. Я не мог припомнить похожих ощущений с тех пор, как была жива моя мать. У нее была точно такая же улыбка.

Затем мое внимание привлекла пожилая женщина, которая вышла из-за ширмы, завернувшись в простыню. Это какая-то римская тема? К моему удивлению и ужасу, женщина позволила простыне упасть на пол, обнажив дряблые, обвисшие груди с ужасными морщинами. Мне пришлось отвести взгляд.

Остальные сразу же вооружились углем и принялись за дело, а я не знал, с чего начать. С левого соска? С ноги? Я был совершенно не в своей тарелке. Поэтому взял линейку из «художественной коробки», которую передавали по кругу, и начал измерять.

Неужели бедной женщине не холодно? А что, если она проголодается или захочет в туалет? О чем, черт возьми, она думает, сидя на стуле в одной позе и уставившись в пространство?

– Не могла не заметить, что вас, кажется, слегка удивила наша тема, – примерно через двадцать минут сказала мне через плечо Сара, когда наконец добралась до меня.

Я постарался ответить небрежно:

– Вообще-то думал, что это занятие по натюрморту. Ну, понимаете, цветы и фрукты. Что-то в таком духе.

Она рассмеялась, но это не был недобрый, презрительный смех. Он больше напоминал веселый перезвон колокольчика.

– Вы бы удивились, узнав, сколько совершают ту же ошибку. – Ее слова заставили меня почувствовать себя немного лучше. Затем голос Сары стал серьезнее. – Однако человеческое тело – это произведение искусства, не так ли?

– Или математическая головоломка, – возразил я. Мы оба посмотрели на угловатые очертания на листе, которые я тщательно зарисовал, изображая различные части тела пожилой женщины.

– То же думали Леонардо да Винчи и Пикассо, – произнесла она так, будто я был стажером, который допустил небольшую ошибку и нуждался в ободрении. – Но, на мой взгляд, красота обнаженной натуры заключается в том, что модели нечего скрывать. Он или она полностью открыты. По крайней мере снаружи. Это вынуждает художника заглянуть под кожу, постараться отыскать душу. Вот что на самом деле заставляет портрет работать.

Я никогда не смотрел с такой точки зрения и спросил:

– Но как мне этого добиться?

– Позвольте инстинкту взять верх.

Инстинкту?

– Я не знаю как, – пробормотал я. Приходить сюда было ошибкой. Теперь я это понимал.

– Не возражаете, если я немного помогу?

Ее ладонь накрыла мою, направляя кусочек угля. В ту же секунду меня пронзила молния. Словно действительно током ударило. Я ничего не понимал. Эта женщина просто была не в моем вкусе. И все же...

– Видите? – сказала она. – Все, что вам нужно было, это сделать небольшой изгиб здесь, а затем вот так...

– У вас звучит так легко, – сказал я, стараясь не смотреть на эту прекрасную лебединую шею, хотя ее и портил дешевый кулон, который Сара в разговоре продолжала теревить.

Моя учительница отстранилась, словно оценивая меня. Я почувствовал себя немного неловко.

– У каждого свои сильные стороны. Чем вы занимаетесь?

– Я актуарий.

Сара вопросительно склонила голову набок. Я заметил, что у нее тот гладкий высокий лоб, который придает лицу царственный вид.

– И что же это?

Люди, не связанные с нашей сферой, столько раз спрашивали об этом, что у меня уже был готовый ответ.

– По сути, я математик, который измеряет вероятность и риск будущих событий, чтобы предсказать их финансовое влияние на бизнес и клиентов.

Она расхохоталась:

– Как-как, простите?

Меня несколько ошеломило ее веселье.

– На самом деле это очень полезно. Например, я могу помочь клиентам определить, сколько им осталось жить, чтобы они смогли оформить правильную страховку.

– Никогда не встречала того, кто этим занимался бы. Так сколько же *вам* осталось жить? Никто и никогда не задавал мне этот вопрос.

– Не знаю.

– Как по мне, я бы *не хотела* знать, – беззаботно сказала она. – Я верю в то, что нужно жить здесь и сейчас. Это гораздо важнее денег.

Затем она, словно осознав, что ее ладонь все еще лежит на моей, убрала руку. Мне сделалось холодно. Пусто. Я даже не смог ответить, что страхование – одна из тех жизненно важных вещей, которые люди игнорируют из-за их стоимости. Сара уже перешла к следующему ученику, склонилась над ним и давала добродушные советы. Я почувствовал нелепую вспышку ревности.

– Пора прерваться! – воскликнула Сара некоторое время спустя. – Мод, налей себе чаю, хорошо? Ты сможешь продолжить минут через десять?

Меня поразила заботливость Сары. Пожилая женщина встала, завернулась в покрывало, которое лежало рядом с ее стулом, и поковыляла к чайнику. Невозможно было не смотреть на нее с каким-то испуганным восхищением. Сколько ей заплатили? Наверняка должны быть более простые способы заработка.

Весь следующий час я поглядывал на Сару, впитывал ее. Наблюдал, как она помогает другим. Замечал ее доброту. Ободряющее: «Мне нравится, как у тебя легла эта тень», – для каждого. Небольшие наставления: «На вашем месте я бы добавила сюда немного лилового». В этом была деликатность, но в то же время твердость. Нечто, говорившее: «Я могу постоять за себя».

Но больше всего поражало ее физическое присутствие: эти детские косички, тонкие обнаженные руки, красивые карие глаза. Возможно, прозвучит как клише, но Сара была словно наркотик (не то чтобы я когда-нибудь принимал наркотики), и чем дольше вращались стрелки часов, тем крепче становилась моя зависимость.

К концу урока я полностью переделал свой набросок и подошел к ней.

– Простите, не думаю, что рисование с натуры – это для меня.

Она одарила меня ласковым и понимающим взглядом, который снова напомнил мне о матери.

– Не хотите попробовать еще раз?

– Не очень.

Вряд ли я решился бы добавить, что меня смутила обвисшая грудь модели и не понравилась та грязь, которую оставлял на руках уголь.

– Печально будет вас потерять.

И тут я услышал слова, слетевшие с моих губ раньше, чем я смог забрать их назад:

– Вообще-то не хотите ли со мной поужинать?

Я ожидал, что она пошлет меня подальше. Ведь ни одна девушка не пойдет на свидание с мужчиной, которого только что встретила и обменялась лишь парой фраз? Во всяком случае, приятная девушка.

Или в этом и был смысл? Может, я пригласил Сару на свидание, потому что мы были на разных полюсах. Чтобы доказать, что я вовсе не тот скучный консерватор, которого презирала Арабелла.

– Хорошо, – непринужденно согласилась Сара.

Я ее правильно расслышал?

– Но я бы предпочла, чтобы вы зашли ко мне, чем идти куда-то, – продолжила она. – У меня есть небольшой запас еды, и не съесть его мне кажется расточительством. Ненавижу расточительство, а вы? Тем более когда в мире столько людей голодает.

Я едва не сказал, что не подразумевал сегодняшний вечер. Имел в виду когда-нибудь. Возможно, на следующей неделе. Или на этой, если повезет. Или даже никогда, если честно, поскольку не рассчитывал на ее согласие. Но эта необычная девушка сказала «да». И более того, имела в виду «прямо сейчас».

– У вас? – произнес я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. – Конечно.

– Отлично! – Лицо Сары снова озарила та солнечная улыбка, которая заставляла меня ощущать странную легкость внутри. – Я недалеко живу. Всего в сорока минутах ходьбы. Кстати, вы ведь любите вегетарианское ризотто?

Я с трудом сглотнул. Как можно было сказать ей, что сама мысль о рисе причиняет мне физическую боль? Не «просто» из-за ужинов школьных времен, но и из-за того, что следовало после.

Глава 2. Сара

На самом деле Том был не в моем вкусе. Если бы не годовщина, я бы даже не согласилась на свидание. Но не могла – не хотела – оставаться одна той ночью. Боль не утихала ни на минуту и терзала меня каждый день. Годовщины не должны иметь такое значение. Но они почему-то важны, так ведь? Поэтому я была благодарна – нет, отчаянно благодарна – за компанию. На самом деле тот вечер помнится мне настолько ясно, словно разворачивается передо мной на киноэкране.

– Что это за запах? – спросил Том после того, как я осознала, что предлагаю ему пойти ко мне, а не в какой-нибудь модный ресторан. Я не сомневалась, что место было бы модным, поскольку с таким акцентом и строгим костюмом парень выглядел шикарно. Но мысль о людях, которые сидели бы вокруг, болтая о пустяках, сводила с ума. Особенно сегодня.

Кроме того, я искренне беспокоилась о том, что ризотто пропадет. Не выносила выбрасывать еду. До сих пор не выношу. Слишком часто голодала.

– Запах? – переспросила я. – Это благовония.

Я наблюдала, как он оглядывает беспорядок вокруг. Знай я, что приведу кого-то, сперва прибралась бы. На спинках стульев сохла одежда, повсюду валялись наброски, а в раковине лежали грязные тарелки. А еще мне стоило перед уходом открыть окна, чтобы избавиться от запаха травы.

Теперь, когда мы остались одни, вдали от класса, у меня появилась возможность детальнее рассмотреть своего гостя. Я оценивала его высокий рост и телосложение, как если бы рисовала его обнаженным. Возможно, вы об этом не знаете, но большинство художников поступают именно так при первой встрече.

Том Уилкинс был не в моем вкусе. Во-первых, у него были короткие светлые волосы, а кожа выглядела по-детски гладкой и очень чистой. Я подозревала, что он чист и в другом смысле, хотя наверняка не всегда можно сказать. Еще у него имелась привычка нервно заламывать руки. Это я нашла довольно милым. По дороге он успел рассказать, что не пьет алкоголь и «страстно увлечен» Моцартом. Я, конечно, знала имя, но никогда не слушала музыку этого парня.

– А мне нравится «Перламутровый джем»¹, – сказала я.

– Мы разве о еде говорим?

– Очень смешно.

Он нахмурился:

– Почему?

Тут я поняла, что он серьезно.

– «Перламутровый джем» – название группы. – Я разразилась смехом. – Ты где был вообще?

– Давайте посмотрим. – Он начал загибать пальцы. – Вырос в Лондоне. Потом была школа-интернат в Сомерсете. Университет в Рединге, а теперь я снова вернулся в Лондон.

– Я тебя не про историю твоей жизни спросила. Просто пыталась пошутить о том, что ты не знаешь «Перламутровый джем».

– В самом деле? – нахмурившись, спросил он.

Неужели он правда это всерьез? Однако мой инстинкт подсказывал, что этот высокий, неуклюжий мужчина с медлительной и осторожной манерой разговаривать был абсолютно честен. Том оказался откровенным собеседником. Он принимал все, что я говорила, за чистую монету. Это удивительно освежало.

¹ Pearl Jam – американская рок-группа. Еще это сленговое выражение, которое обозначает сперму.

А еще он был забавным, словно не возражал против шуток над самим собой.

– Взгляни на это, – сказал он, указывая на левый глаз, который был слегка опущен. Мы сидели друг напротив друга в креслах-мешках и ели ризотто, которое я на этой неделе разогревала уже дважды. Тем не менее Том выглядел благодарным и ел так быстро, что вилка не задерживалась у него во рту дольше секунды. Мне было неловко из-за того, что я не могла предложить ему добавку.

– Когда я был ребенком, это называли ленивым глазом, – продолжил он слегка застенчиво. – Но я никогда не ленился. Наоборот, был до крайности добросовестным в учебе. Всегда.

Меня не очень-то беспокоил его глаз, хотя было очевидно, что Том хотел выставить напоказ свой недостаток. Я этим восхищалась.

– Медицинское название – амблиопия, – добавил он, – и ею страдают от двух до трех процентов детей. Можно вылечить, если выявить достаточно рано. Но сестра-хозяйка от этого отмахнулась.

– Сестра-хозяйка. Ты лежал в больнице?

– Нет. Она отвечала за то, что мы в школе называли пастырским попечением.

Затем он хмыкнул, будто о попечении там и речи не шло.

Обо мне пеклась моя мама. «Улыбнись, Сара, – всегда говорила она, фотографируя. – Покажи мне свою прекрасную улыбку». Тогда наша жизнь казалась идиллической. Но я другой и не знала. По крайней мере, Том не слишком расспрашивал о моем прошлом. Зато принимал на веру всю ту чушь про большую счастливую семью. Узнай он правду, второго свидания не было бы.

– Что подтолкнуло тебя заняться рисунком с натуры? – спросил он.

Я пожала плечами:

– Меня попросили позировать, когда я училась в школе искусств, и мне стало интересно.

– Тебе не было неловко снимать свою... – Он замолчал, словно ему было слишком стыдно закончить фразу.

– Мою одежду? Нет. Почему мне должно быть неловко? У тела прекрасная конструкция. Оно создано для того, чтобы его выставляли напоказ.

– Но почему люди становятся моделями? – Он нахмурился, точно маленький ребенок, которому нужно что-то объяснить. – То есть за это ведь не могут много платить.

– Возможно, тебе так кажется, но Мод говорит, что помогает любая мелочь. А еще ей нравится компания.

После этого он немного помолчал, словно обдумывая услышанное.

– Подумал, не мог бы я... – начал он, когда мы покончили с едой. Затем замолчал.

– Да? – спросила я, ободряюще наклоняясь вперед. Разве не поэтому привела его? Мне нужен был кто-то или что-то, чтобы отгородиться от воспоминаний. Снотворное не справлялось. От выпивки становилось еще хуже. Вот я и пыталась скрыть свои переживания за улыбками. Это помогало убедить себя в том, что все замечательно. Что я – одна из тех беззаботных людей, которые плывут по жизни безо всяких преград.

– Подумал, не мог бы я помыть за тебя посуду?

Он действительно это хотел сказать? Или собирался предложить заняться сексом и струсил на половине пути?

– О! Нет, не волнуйся. – Я пожала плечами. – Попозже помою.

Том нахмурился:

– А ты знаешь, что если оставить еду на тарелках, то за двадцать минут количество бактерий удвоится?

– Шутишь?

– Нет. Это правда.

Этот человек походил на какую-то суетливую ходячую энциклопедию. Он уже начинал выносить мне мозг. Но в ту ночь я не могла оставаться одна. Не могла. Поэтому махнула рукой в сторону раковины, полной мисок из-под хлопьев и грязных кружек, в которых разводила краски.

– Будь моим гостем.

– Я уже твой гость, – серьезно ответил он. – Скажи, где ты хранишь жидкость для мытья посуды.

– Вообще-то она закончилась.

Я не добавила, что обычно просто ополаскиваю тарелки и кружки под краном, даже если вода холодная из-за того, что нет денег для счетчика.

– Тогда схожу и куплю. Где ближайший магазин?

Вот и все. Я больше не могла это выносить. Мне хотелось лишь секса.

Я подошла к нему, встала на цыпочки, чтобы обнять за шею, и осторожно притянула его лицо к себе.

– Поцелуй меня, – взмолилась я. – Пожалуйста.

Он выглядел так, как будто ему предложили жениться.

– Уверена? Мы ведь едва знаем друг друга.

Я хотела закричать: «В том-то и дело!» Мне нужно забыться, а не связывать себя обязательствами.

– Никогда не встречала людей, похожих на тебя, Том, – сказала я. Это было достаточно правдиво.

– Это потому, что...

Я взяла на себя инициативу и заглушила то, что должно было прозвучать дальше. Губы у него были теплыми. Я почти ждала, что он оттолкнет меня, но Том этого не сделал. Его язык оказался куда опытнее, чем я предполагала. Только один человек целовал меня так же. Долгими, глубокими поцелуями, которые проникали прямо внутрь и продолжались вечно. Он обхватил мою голову руками. Это заставляло почувствовать себя желанной. Особенной.

Том Уилкинс был не в моем вкусе! Вообще. Но что-то в его поцелуе это изменило. Мое тело запылало. Как и голова.

Он наклонился за добавкой. Наши губы словно магнитом притягивало.

– Я сейчас уйду, – в конце концов сказал он. На меня снова нахлынула паника.

– Ты не хочешь остаться на ночь?

– Конечно, хочу, Сара. Но не раньше, чем мы узнаем друг друга получше.

– Пожалуйста, останься. – Я не смогла сдержать истерических всхлипов. – Не хочу быть одна.

Он колебался. Я почувствовала, что задела его за живое.

– Только если буду спать на полу, – медленно произнес Том.

– Не глупи. Мы взрослые люди.

– Вот именно. Секс – не кусок торта, который можно пробовать даром. Его следует заслужить любовью.

Я почувствовала, что ко мне относятся снисходительно, и чуть не сказала: «Иди». Но затем он снова обхватил мое лицо руками.

– Я останусь. Но кое-что нам нужно прояснить. Так называемые благовония. Я не настолько глуп, Сара. Если мы хотим и дальше видеться, ты должна перестать курить марихуану.

Могла бы сказать ему, что это не я. Что сосед приходил предупредить меня об очередном взломе, и это он выкурил самокрутку. Но у меня возникло ощущение, что Том не поверит. Ирония в том, что из всего сказанного мною той ночью это была бы одна из немногих правдивых вещей.

В любом случае, рассуждала я, есть определенный баланс между «признанием» в том, чего не делала, и молчанием о том ужасном поступке, который совершила. Ровно десять лет назад день в день.

– Хорошо, – услышала я собственный голос.

– Ты принимаешь что-нибудь покрепче? – спросил он.

– Нет, конечно.

Казалось, он мне поверил.

– Какое у тебя счастливое число? – внезапно спросила я у него.

– Счастливое число? – Том выглядел озадаченным. – Как число может быть счастливым?

– Но у каждого такое есть! У меня – два.

Не стала добавлять, что это из-за мамы. Два было ее счастливым числом, она часто говорила: «Ведь нас только двое. Ты и я».

– Пожалуйста. Выбери какое-нибудь.

Он покачал головой, но рассмеялся:

– Хорошо. Два.

– Это правильный ответ! – Мое сердце пело. Это был знак. Так и должно было быть.

В ту ночь мне снились обычные кошмары. Хлопают двери. Кричат люди. Не хватает воздуха...

Но вместо того чтобы проснуться в холодном поту, я смутно осознавала, что кто-то говорит мне: «Все хорошо».

Когда проснулась утром, Тома уже не было.

На его стороне стояла бутылка зеленой жидкости для мытья посуды с запиской. Очень четкие заглавные буквы, все одного размера:

«Я НЕ ХОТЕЛ БУДИТЬ ТЕБЯ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ НОМЕР ТВОЕГО
МОБИЛЬНОГО. НО УВИДИМСЯ НА ЗАНЯТИЯХ НА ТОЙ НЕДЕЛЕ.
СПАСИБО ЗА УЖИН. Я НАДЕЮСЬ, В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ТЫ
ПОЗВОЛИШЬ УГОСТИТЬ ТЕБЯ».

И хотя Том Уилкинс во многих отношениях был моей полной противоположностью – причем настолько, что и сам не представлял, – я с нетерпением ждала встречи.

* * *

Дождь уже перестал.

Ночь черна.

Ни одной звезды.

Это хорошо.

Сложнее нас заметить.

Не поднимай голову, говорю я себе.

Иди быстро.

Не опоздай.

Глава 3. Том

Цифры – которые всегда были единственной константой в моей жизни – мучили меня целую неделю после вегетарианского ризотто. Они отсчитывали сами себя в моей голове.

«Шесть дней и двенадцать часов, и я снова увижу Сару-с-солнечной-улыбкой».

«Шесть дней и пять часов».

От фактов – которые всегда были моими друзьями – голова шла кругом.

«Она не в твоём вкусе».

«У вас нет ничего общего».

«Я хочу переспать с ней».

«От ее улыбки я свечусь изнутри».

«Она курит марихуану».

Я со школы был против наркотиков. И с тех же пор поклялся поступать правильно. Этот принцип относился не только к наркотикам, но и к жизни в целом. Я должен был держать себя в руках. Иначе мог бы совершить еще одну ужасную ошибку.

Так и к чему же мне такая женщина, как Сара Винсент?

– Ты втрескался, Уилкинс, – ответил Хьюго, когда я рассказал ему. Он был моим лучшим другом. Или, точнее, единственным другом. Наша дружба началась в восемь лет, когда во всей школе только он не стал дразнить меня из-за глаза. И потом, конечно, было еще кое-что. То, о чем мы никогда не говорили.

Хьюго и Оливия пригласили меня поужинать, но моя младшая крестница еще не спала, а еда была не готова. Это раздражало, поскольку я проголодался. Меня воспитали в убеждении, что пунктуальность – синоним вежливости.

– Зачем ждать? – продолжал он. – Ты знаешь, где она живет. Просто удиви ее букетом цветов.

– Я же сказал, – напомнил я. – В моей записке говорилось, что мы увидимся на следующем занятии.

– Ты можешь передумать, – сказала Оливия, спускаясь по лестнице с малышкой на руках. Я не мог отделаться от мысли, что ребенку давно пора спать.

– Нет, не могу, – ответил я, смущенный тем, что она подслушала наш разговор. – Это в моем ежедневнике.

– Ежедневники можно переписать, Том, – сказали они хором.

Я замечал это за супружескими парами. С той минуты, как они надевают кольца, и разговоры начинают словно один человек.

«Три дня и два часа».

«Один день и семь часов».

«Восемь часов».

«Один час».

Я принял меры предосторожности, захватив с собой свежесглаженные джинсы и новый коричневый свитер с высоким воротом, чтобы переодеться в офисе перед уроком рисования. В прошлый раз я оказался там единственным человеком в костюме. Остальные ученики были в неряшливых джинсовых комбинезонах, которые выглядели так, будто их уже давно не стирали. Кажется, это называлось «гранж».

– Ты мило смотришься, – сказала одна из стажерок, входя в лифт, когда я уходил из офиса.

Мило? Мне никогда не нравилось это определение. Оно могло подразумевать прямо противоположное тому, что должно было означать. Подобные слова могут ввести в заблуждение.

Об этом мы говорили на прошлом собрании, куда я в обязательном порядке ходил каждую среду.

Направляясь к центру искусств, я считал шаги. Одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Этому трюку научился еще в школе, когда ожидалось что-то или очень желанное, или страшное.

«УРОК РИСОВАНИЯ С НАТУРЫ ОТМЕНЕН ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ»

Я уставился на объявление на двери. Договорился встретиться здесь с Сарой. Но теперь оказалось, что это невозможно. Мысль о том, что не увижу ее, была как удар в живот.

Затем я перечитал объявление. Фраза была решительно непонятной. Означала ли она болезнь других учеников, которая привела к снижению посещаемости? Или самой Саре нездоровится?

Я поговорил с девушкой за стойкой регистрации.

– Тут бродит отвратительный вирус гриппа, – сообщила она. – Сара пришла пораньше, но выглядела ужасно, и ей пришлось уйти. Она вернулась домой.

Обычно я избегал вирусов. Велик шанс подхватить их, если просто проехаться в метро. Но почему-то здравый смысл казался не таким важным, как обычно. Нужно действовать, сказал я себе. Лимоны. Мед.

Я отлично помнил, где живет Сара, – в многоквартирном доме, который прежде был муниципальным. А теперь, как она объяснила во время моего предыдущего визита, квартиры сдавались частным арендаторам. Та, в которой обитала Сара, ей вообще не принадлежала. Квартирой владела подруга, но она отправилась в Индию на курсы йоги. Сара говорила так, будто это совершенно нормально.

Дверь блока была открыта. Не особенно безопасно. Я направился по узкому коридору к квартире. Возле нее стоял велосипед с увитой цветами корзинкой. На стене не оказалось ни дверного молотка, ни даже звонка. Поэтому я воспользовался кулаком.

– Да, – отозвался слабый голос.

Мне так сильно хотелось, чтобы Сара была дома, что я уже ожидал ее не застать. Сердце глухо забило в груди, когда раздались шаги по голым половицам. Затем дверь открылась. На меня смотрела совсем другая Сара. Распущенные волосы лежали на плечах. Не было ни следа макияжа. Даже красной помады. Было темно, но тем не менее я смог разглядеть мешковатый спортивный костюм черного цвета, джемпер и дешевый кулон на шее.

И все же она по-прежнему была красива.

– Не подходи ко мне, – кашлянула Сара. – Я болею.

То, что я упорно стоял на своем, было признаком моего ненормального состояния.

– Я здесь, так что любые микробы, которые ты переносишь, уже проникли в мой организм.

Она выглядела неуверенной.

– У меня мед и лимон, – торопливо добавил я. – Давай приготовлю тебе питье.

– Ты не сможешь вскипятить чайник. Нет электричества.

– Это ужасно. Ты звонила в энергетическую компанию?

– Они отключили электричество, потому что я не могла заплатить, – сказала она. – И вскипятить воду на плите я тоже не могу, у меня закончились деньги для газового счетчика.

Неудивительно, что в квартире было холодно. Я мог бы, конечно, одолжить ей денег на счетчик, но это не решило бы проблему с электричеством.

– Пойдем со мной, – твердо сказал я, удивив самого себя. – Здесь неподходящее место. Даже небезопасное. Любой может войти в блок.

Она положила руку на дверной косяк, словно пытаясь удержаться на ногах.

– Я недостаточно хорошо себя чувствую, чтобы куда-то идти.

Я научился сначала концентрироваться на практическом аспекте ситуации, а потом уже разбираться с эмоциональным.

– Ты не можешь оставаться тут в холоде, иначе тебе станет хуже. Я возьму такси. Пожалуйста, подожди. Вернусь через минуту.

Я ожидал, она скажет, что не может навязываться и что недостаточно хорошо меня знает, чтобы ехать ко мне. Но вместо этого на ее лице появилось выражение благодарности.

– Спасибо, – сказала она, улыбаясь. – Ты мой рыцарь в сияющих доспехах.

Я удивился, осознав, насколько приятно оказалось услышать эти слова.

Глаза Сары заметно расширились, когда она увидела двухквартирный дом пятидесятих годов с тремя спальнями, аккуратным палисадником и живой изгородью из самшита, которую я подстригал каждое воскресенье. Мне посчастливилось купить у банка изытое жилье. Риелтор описал Хакни как «перспективный район» и был прав. Стоимость недвижимости уже выросла на семнадцать процентов.

– Он очарователен, – произнесла она.

Очарователен? Никогда не думал о нем в таких терминах.

– Спасибо, – сказал я, передавая водителю точную сумму оплаты, которую подготовил, пока мы ехали. – Я очень им доволен.

Сара снова закашлялась, поэтому я поддержал ее, и мы поднялись по трем ступенькам к входной двери.

Едва войдя в дом, я включил термостат на двадцать три градуса, что было на три градуса выше обычного. Перед нами простирался уложенный черно-белой плиткой пол холла. Когда я только въехал, некоторые плитки были разбиты, но скоро я их заменил. Никогда не любил несовершенство. Еще одна причина, по которой меня так сильно беспокоил мой глаз.

– Ух ты! – Сара осматривалась вокруг в той манере, которую при обычных обстоятельствах я считал бы дерзкой. – Обалденный дворец!

Затем она бросила на меня такой пристальный взгляд, каким я мог бы одарить младшего сотрудника, оценивая его во время полугодовой аттестации.

– Это все твое? Ты не прикалываешься надо мной?

Я был не совсем уверен, как к этому отнестись.

– У меня ипотека.

Мог бы добавить, что смогу выплатить ее за двадцать лет и один месяц, если доходы будут расти сообразно моим прогнозам. Я действительно этим гордился.

– А теперь, – добавил я, – давай уложим тебя в постель, ладно?

Она начала хихикать. Затем закашлялась. Потом снова захихикала.

– Думала, ты не занимаешься такими вещами, пока не узнаешь человека получше.

– Я не это имел в виду, – торопливо объяснил я. – Просто хочу позаботиться о тебе.

Сара оперлась на меня, словно в любую минуту могла упасть на кафель. Я поднял ее на руки. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Я отнес ее по лестнице вверх и осторожно положил на свою кровать, которую перед уходом на работу, как обычно, застелил. Две другие спальни пустовали. Не было смысла обставлять их, поскольку я никогда не принимал гостей.

– Хочешь во что-нибудь переодеться? Ты могла бы надеть одну из моих рубашек и спать в ней. – Я покраснел. – А я пока выйду из комнаты.

– Ты хороший человек, Том, – сказала Сара, глядя на меня своими большими карими глазами. Ее улыбка, хотя и не была такой широкой, как раньше, по-прежнему светила на лице.

Хороший человек? Если бы только она знала.

– Быстро получилось, – съязвил Хьюго, когда я рассказал ему о том, что Сара осталась со мной. Было воскресное утро, и мы играли в теннис на одном из крытых кортов клуба. Я

заказывал его раз в неделю в течение всего года. Открытые корты ненадежны с точки зрения погоды. Боюсь, что Хьюго тоже не отличался надежностью с тех пор, как стал отцом. Если ночью дети долго капризничали, то он позволял Оливии поспать и брал дежурство на себя. В этом году он уже пятнадцать раз отменял наши теннисные встречи.

– Она нуждалась в чьей-нибудь помощи, – добавил я, подбрасывая мяч высоко в воздух.

– Конечно, нуждалась! И как секс? Нет, не отвечай. Сам скажу. Твое лицо напоминает мое собственное, когда во время учебы у меня был роман с одной девчонкой-хиппи в Калифорнии. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Да. Несколько раз.

– Это было обалденно, – продолжал он так, будто я ничего не говорил. – Она творила такое, о чем я и не мечтал.

– Все совсем не так, – перебил я. – Говорил же, у нее грипп. Я присматриваю за ней, пока она болеет.

Он отступил подальше для подачи.

– Тогда ты заразишься. Не приходи какое-то время, ладно? Дети могут подхватить. Тогда мы вообще спать не будем. – Мяч просвистел мимо меня. – Гейм за мной, приятель.

После этого я некоторое время не контактировал с Хьюго. Вместо этого сосредоточился на работе и заботе о Саре. Грипп у нее был ужасный. На следующие две недели ей пришлось отменить занятия в центре и те, что она проводила на дому, «чтобы выживать».

– Мне не платят, когда я не работаю, – сказала она, в третий раз пытаюсь встать.

– Это не имеет значения. Я же сказал, что позабочусь о тебе.

– Но ты меня почти не знаешь.

– А кажется, что знаю. – Слова сами вырвались изо рта. И застали меня врасплох.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – тихо сказала она.

Во мне начал растекаться незнакомый жар. Почти как если бы я надел теплый джемпер.

Шли дни, и я начал вести себя словно совсем другой человек. Это было и тревожно, и до странного приятно. Я даже зашел в женский магазин и купил нижнее белье и пару ночных рубашек, хотя и с помощью ассистентки.

– Очень мило с твоей стороны, но обычно я ничего не надеваю в постель, – сказала Сара, когда я принес свои покупки.

Я подозревал об этом, но хотел проявить заботу. Правда заключалась в том, что, несмотря на предположение Хьюго, у нас с Сарой не было секса. Разумеется, я ее хотел. Мое тело горело от желания. И я не мог выразить этого иным способом. А еще не мог забыть электрический разряд, который пронзил меня, когда она впервые положила свою ладонь на мою. Никогда раньше не чувствовал ничего подобного.

Но в то же время мне не хотелось, чтобы Сара решила, будто я собираюсь ею воспользоваться. Вот почему я спал внизу на диване. К тому же она болела.

К счастью, через несколько дней ей стало лучше.

– Сегодня чувствую себя хорошо, – сказала Сара, когда я вошел с чашкой чая.

Она приподнялась на локте. Красивые блестящие черные волосы с розовыми и голубыми прядями свободно спадали на плечи. Несмотря на то, что раньше она утверждала, будто спит обнаженной, на ней была одна из купленных мною ночных рубашек: бледно-голубая с «вырезом в виде сердца», как описала ассистентка. Я гадал, не решила ли она таким образом просто сделать мне приятное. Из ее глаз исчез лихорадочный блеск. И, что важнее, вернулась ее чудесная улыбка.

– Теперь я, наверное, смогу отправиться домой, – сказала она, склонив голову набок в своей обычной манере. Она напомнила мне портрет женщины с выставки прерафаэлитов в Королевской академии, на которую меня затащила Арабелла. – Большое спасибо, что позаботился обо мне.

Этого я и боялся.

– Не хочу, чтобы ты уходила.

– Я тоже. – Она встала, подошла к окну и подняла створку, чтобы впустить воздух. – В сквере посадили розы.

– Правда?

– Да! Смотри. – От волнения ее голос стал громче. – Всех цветов! Мои любимые – абрикосовые. А твои?

Никогда об этом не задумывался. Вместо того чтобы ответить на ее вопрос, я прочистил горло, которое необъяснимо сдавило.

– Когда я сказал: «Правда?» – то говорил не о розах в сквере. А о том, что не хочу, чтобы ты уходила.

– Да, – сказала она, оборачиваясь. – Я тоже.

Ее слова настолько меня ошеломили, что я не знал, что ответить.

Она вернулась в кровать – мою кровать – и свернулась калачиком, будто котенок.

– Ты, наверное, сыт по горло этим диваном, – сказала она, улыбаясь.

– Он довольно удобный. – Я не стал добавлять, что потратил много времени на изыскания, прежде чем остановился именно на этой модели.

Затем Сара протянула руки и просто сказала:

– Я тебя хочу.

Прямо сейчас мой мозг оказался к этому не готов, хотя я, конечно, представлял нашу близость столько раз, что перестал считать.

Сара взяла мою руку и потянула к себе.

В первую очередь я подумал, что это было довольно бесцеремонно с ее стороны. А потом – и мне стало тревожно – о том, что Сара найдет меня не очень интересным в постели. Ведь если не считать Арабеллу, я был не особенно опытен.

Тем не менее Сара, казалось, не возражала. Она начала медленно раздевать меня, расстегивая каждую пуговицу рубашки с неторопливой обдуманностью, почти дразня, а затем ласкала меня нежными поцелуями, становившимися все более настойчивыми, когда наши тела сплелись.

– Это было здорово, – сказала она позже, когда мы откинулись на подушки. – А тебе как?

– Тоже здорово, – смущенно ответил я. Как и говорил, мне никогда не нравилось обсуждать секс.

Могу только сказать: ей, похоже, понравилось то, что я делал. И это меня заводило. Придавало уверенности.

– Мне нравится твое тело, – сказала она, поглаживая меня.

Я обнаружил, что провожу указательным пальцем по контуру ее правой груди. Затем мой палец коснулся чего-то круглого и твердого внизу.

– Это родинка, – сказала она. – Когда я проверяла ее, врач сказал, что иногда такие называют третьим соском. Видимо, в средневековье это считалось признаком колдовства. Только представь, меня могли сжечь на костре!

Она рассмеялась.

В том-то и заключалась особенность Сары. Ты никогда не знал, что она сделает или скажет.

Было ли это – могло ли это на самом деле быть – любовью? Тем, что в песнях называют «болезнью» и «невозможностью что-нибудь с этим поделать»? Как и моему отцу, мне всегда требовалось держать себя в руках. (Не та черта, которой я горжусь, но это факт. И помогает мне чувствовать себя в безопасности.) И все же я не мог представить себе жизни без Сары, хотя мы познакомились совсем недавно.

Я больше не ходил на ее занятия по живописи, потому что мне было невыносимо видеть, как любимая женщина склоняется над другим мужчиной, чтобы дать ему совет. Вместо этого я готовил ужин к ее возвращению. Разумеется, о рисе и речи не шла.

– Вкусно, – всегда говорила она. И все же ела довольно мало. – Когда я была маленькой, еда у нас была не очень вкусной. Так что аппетит у меня плохой. – Затем она пододвигала ко мне свою тарелку. – Доешь за меня. Помнишь, как я ненавижу расточительство? Иногда мне даже снятся кошмары о том, как я умираю с голоду.

Я протягивал руку через обеденный стол из красного дерева, который купил в местном антикварном магазине, когда только переехал.

– Теперь, когда я рядом, тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

Ее улыбка меркла.

– Но я ведь не могу оставаться здесь вечно?

– Ну, очевидно, вечно не сможешь. Никто из нас не сможет. Но ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

– Правда?

– Иначе я не стал бы этого говорить. Кроме того, разве твоя подруга не вернулась из Индии?

Прошлой ночью она упоминала об этом и о том, что ей нужно будет найти какое-нибудь жилье. Я прямо тогда хотел предложить ей остаться, но постеснялся.

Ее глаза засияли.

– Давай отпразднуем! Мы могли бы покататься на коньках.

– Покататься на коньках? Зачем?

– Затем, что это весело! Я тебя научу.

Я вырос с мыслью, что «веселье» – это потакание своим прихотям. «Единственный способ добиться успеха в жизни, – говаривал мой отец, – это упорный труд».

Кроме того, как кататься на коньках с моей координацией?

– Пожалуйста, попробуй, – сказала она с той самой улыбкой.

Я не мог разочаровать ее. Позже на той же неделе мы отправились в Квинс в Бейсуотере. Там было очень холодно и полно чрезвычайно опытных людей.

– Боюсь, я не очень хорош в этом, – сказал я, упав в двадцать седьмой раз за полчаса.

Она помогла мне подняться на ноги.

– По крайней мере, ты попробовал. Я горжусь тобой.

– Правда?

– Да. – Она притянула меня к себе и уткнулась лицом в грудь. Я обнял ее и вдохнул аромат волос. Кем была эта женщина?

После обеда мы отправились на прогулку вдоль Темзы.

– Однажды, – мечтательно сказала Сара, глядя на баржи, – я хотела бы сесть в одну из них и уплыть. А ты?

– Нет, – твердо ответил я. – Я счастливее в местах, которые знаю.

Наши взгляды на политику тоже отличались.

– Что ты думаешь о республиканцах? – спросила Сара, когда однажды в выходные увидела, как я за завтраком читаю «Файнэншл таймс». У власти был Билл Клинтон.

– Думаю, у них многое впереди, – ответил я.

Из-за этого мы впервые поспорили.

– Давай согласимся не соглашаться, – сказала после Сара.

И, к моему удивлению, это сработало. Ссоры с Арабеллой всегда казались угрожающими. Но Сара считала, что «споры могут быть полезными, потому что они открывают нам глаза на точку зрения другого человека».

Мы начали по очереди выбирать занятия в выходные. Сара любила художественные галереи, особенно те, где выставлялись современные картины, которые, как мне казалось, были написаны детьми. Я предпочитал Музей естественной истории или Музей Виктории и Альберта с его четкими подписями. Еще я познакомил Сару с оперой.

Конечно, случайный человек никогда бы не свел нас вместе. Она курила – хотя только табак и никогда не в моем доме. Еще пила, могла каждый вечер выпивать полбутылки белого вина и даже не пьянеть. Не носила больше ночную рубашку, которую я купил, пока она болела. Вместо этого снова спала голой, если не считать ее старого кулона.

– Ты не хочешь снять его на ночь? – спросил я.

Сара со страхом в глазах схватила кулон, будто я мог попытаться вырвать его.

– Нет. Ни за что.

Я не спрашивал почему. Это было не мое дело. Кроме того, если бы я начал задавать слишком много личных вопросов, она могла бы поступить так же.

– По средам мне приходится работать допоздна, – сказал я.

– Ничего страшного, – ответила она.

Я говорил себе, что каждый из нас имеет право на секреты.

Но потом, случайно прогуливаясь по парку рядом со старой квартирой Сары, увидел прикрепленное к ограде объявление с размытой дождем фотографией и надписью: «ПОТЕРЯН ЖЕНСКИЙ ВЕЛОСИПЕД». Велосипед был точь-в-точь тот, что я видел у входной двери Сары, когда она заболела, и предполагал, что он принадлежит ее подруге. Я его узнал по пластиковым цветам в корзине. Но в объявлении было указано другое имя. Подругу Сары звали Лидия, а велосипед принадлежал девушке по имени Анита.

– Не может он быть тем же самым, – сказала Сара, когда я спросил об этом. – Мало ли похожих.

– Но разве ты не хочешь на всякий случай уточнить у Лидии?

– Нет, я знаю, что это ее велосипед, потому что на днях видела ее с ним.

– Ты мне этого не говорила.

Сара посмотрела на меня со странным выражением лица.

– Я не могу тебе все рассказать, Том. В чем проблема?

Я точно не знал. Просто чувствовал себя неловко.

На следующий день мне на работу позвонил Хьюго. Я ничего о нем не слышал с того теннисного матча. И сразу же понял, что что-то не так.

– Чэпмен пишет мемуары, – сказал он. – Их опубликуют следующей весной.

Я годами ждал, что снова услышу это имя. Но едва оно прозвучало, не смог поверить.

– На них обязательно напишут рецензии, – добавил Хьюго. – Чэпмен теперь большая шишка.

Мне не нужно было напоминать.

– Мы не знаем, обмолвится ли он о нас, – сказал я.

– Ходят слухи, что он собирается сделать полное разоблачение.

– Черт!

Я почти никогда не ругался.

– Что мы будем делать? – спросил я.

– Пытаюсь решить этот вопрос.

– Ты сказал Оливии?

– Да. – Голос Хьюго звучал надтреснуто. – Она была шокирована, но на удивление готова поддержать. Ты все еще встречаешься с Сарой?

– Да.

– Ну, если планируешь оставаться с ней, я бы на твоём месте рассказал, что произошло, пока это не выплыло наружу.

Меня прошиб холодный пот. Стоило найти человека, которого действительно полюбил – и кому, казалось, есть до меня дело, – как меня нагнало прошлое.

* * *

*Машина обдаёт меня брызгами.
Я поднимаю вверх средний палец.
Загораются стоп-сигналы.
Дерьмо.
Водитель разозлился.
Резко сворачиваю налево.
Прочь по переулку.
Оглядываюсь назад.
Ничего.
Я снова дышу.
А потом поворачиваю направо.
Он ждёт меня.*

Глава 4. Сара

Из-за этого велосипеда я ощущала себя паршиво. Можете мне поверить. Он действительно был просто прислонен к перилам возле центра искусств. И даже не пристегнут замком. Это произошло за день до того, как я по-настоящему слегла, но уже чувствовала, что чем-то болеваю. Мне только хотелось как можно скорее забраться в постель, поэтому, поддавшись порыву, села на чужой велосипед и поехала домой. Верну его завтра, говорила я себе. Но проснулась в сильном ознобе и, если честно, совсем забыла о велосипеде, пока Том о нем не упомянул.

Я не могла признаться, что одолжила его без разрешения хозяина. Поэтому притворилась, что это другой. Все-таки это такая мелочь по сравнению с другими деталями моего прошлого, о которых Тому нельзя знать.

Он не походил ни на одного человека из тех, что я встречала раньше. И я искренне сказала, что секс был великолепным. Сама не ожидала такого. Получила настоящий фейерверк. Не просто вертушки или бенгальские огни. Целое представление! Залпы ракет, которые осыпались серебряными и золотыми каплями дождя.

Не знаю почему. Мне показалось, что ему не хватало опыта. Возможно, так оно и было – слишком многие мои мужчины точно знали, чего хотят. Однако Том был словно в курсе того, чего хотела я.

Но, самое важное, Том был порядочным, честным человеком. Однажды мы шли по улице, и он заметил на тротуаре потерянную пятерку. Я на его месте решила бы, что мне повезло, а он направился напрямик к газетному киоску и спросил, не терял ли кто-нибудь деньги. Никто на это не ответил, поэтому он положил купюру в ящик для пожертвований на прилавке.

– Когда-нибудь в будущем, – сказал он мне после того, как мы дважды за шесть часов занимались любовью, – я хотел бы завести семью.

Никогда не встречала мужчину, который сказал бы такое после нескольких недель отношений. Я привыкла к тем, кого на моем прежнем месте называли «папашками». К мужчинам, от которых женщины беременели, но которые не хотели содержать ни их, ни их детей.

– А ты? – спросил он.

– Конечно. Однажды.

Мне тогда не было и тридцати, так что я считала, что времени еще много. Кроме того, ответственность пугала меня. Но в то же время мне нравилась мысль стать частью настоящей семьи.

А потом Том пришел с работы с одним из тех «застывших» выражений.

Глядя на его мрачное лицо, я поняла, что что-то случилось. Может, он расстроился, потому что все мои художественные принадлежности в беспорядке лежали по полу. Если у Тома и был какой-то недостаток, так это его чрезмерная дотошность.

– Я должен кое-что тебе сказать. – Он снял очки, протер их и надел обратно.

Я долго этого ждала. Он хотел, чтобы я ушла. Мне следовало найти какое-нибудь жилье. Лидия, которая одолжила мне квартиру на время своего путешествия, теперь вернулась, так что я не могла туда пойти. И моих заработков было недостаточно для аренды. Мне пришлось бы подписаться на...

– А мы не можем сначала поесть? – предложила я, пытаюсь выиграть время. – Я приготовила пасту с сыром. Еда в духовке.

– Пожалуйста, Сара. Это очень важно. – Он повел меня за руку к дивану. Тот мне никогда не нравился. Кожа была слишком холодной. Том сел на дальний край и посмотрел на меня. Неужели он узнал? Нет. Он не мог. Ведь не мог?

– Когда я учился в интернате, – осторожно начал Том, – там был один мальчик, которого... – Он замолчал.

Я ожидала не этого.

– Которого что?

– Которого мы изводили. Когда я говорю «мы», то имею в виду моего друга Хьюго и меня. Мою кожу покалывало. Я ни с кем не была жестока. И Том был не из таких. Или из таких?

Говорят, что подобные люди всегда тихони.

– Физически или морально? – Сердце в груди забилося чаще.

Он отвел взгляд.

– И то и другое понемногу. Мы окунали его головой в унитаз и объявляли бойкот. Ну, ты знаешь, не разговаривали с ним.

Я пересела с дивана на пол. Мне так было комфортнее. Помогало мыслить яснее.

– Почему?

Он по-прежнему избегал смотреть мне в глаза.

– Потому что группа учителей из... издевалась над нами, – торопливо произнес он. – Мальчика, с которым мы отвратительно себя вели, звали Чэпмен. Он хотел, чтобы мы донесли на учителей директору, но мы с Хьюго думали, что он станет все отрицать, обвинит нас во лжи, и ситуация ухудшится. Поэтому надавили на него, чтобы он согласился молчать. Нам было всего по десять лет...

Его голос прозвучал сдавленно.

Я была поражена.

– Это ужасно, – прошептала я, поднимаясь на ноги. Хотела расспросить его и обнять, но что-то меня удерживало.

Теперь он посмотрел на меня. Его глаза были покрасневшими и напуганными. На улице завывала сирена. Здесь часто раздавался ее вой. Она постоянно заставляла меня нервничать. Сирена замолкла, но в моей голове продолжала звенеть.

– Сейчас он довольно известен и пишет мемуары, которые опубликуют в следующем году, – продолжил Том. – Я слышал, он включит в них время, проведенное в школе, и назовет кого-то по именам. Наверное, упомянет о том, как ужасно я и Хьюго с ним обращались. Что люди подумают обо мне?

– Послушай, – ответила я, – если это действительно произойдет, ты просто скажешь, что был всего лишь ребенком.

– Я же понимал, что это неправильно. – Его глаза были зажмурены, словно от боли. – Но был слишком напуган, чтобы поступить правильно. Думал, отец скажет, что я слабак. Что большие мальчики не плачут.

– Правда?

– Я знал, что ты не поймешь. Как иначе? – Его голос звучал сердито. – Ты выросла в большой счастливой семье, где подобного не случалось.

– Моя счастливая семья, – выпалила я, – это только отчасти правда. Мы с мамой жили в коммуне. Я никогда не знала своего отца.

– В коммуне? – Его песочные брови нахмурились. Я не удивилась, поскольку в прошлом люди очень по-разному на такое реагировали. Некоторые были шокированы. Некоторые заинтригованы. Немногие завидовали.

– На самом деле все было довольно организовано. – Вспоминая, я не могла удержаться от улыбки. – Мы жили в фургонах на землях одного фермера в Кенте. Он позволял нам оставаться там бесплатно, пока мы обрабатывали его землю. Это было прекрасное место.

На мгновение я ощутила тоску.

– У меня было много друзей, мы были как братья и сестры. У нас были куры и собаки. По вечерам мы собирались вместе, пели и играли на гитаре. Я обычно подпевала. – На душе потеплело, когда в голове прозвучали мамины слова: «У тебя голос как у ангела, Сара!»

Затем я почувствовала дрожь, пробежавшую по моим рукам. Приказала себе ничего больше не говорить, но продолжила:

– А потом...

Это была самая трудная часть. Я никогда и ни с кем об этом не беседовала. Даже с Эмили. Но если у нас с Томом все серьезно, он должен знать хотя бы часть правды.

– Моя мама погибла в автомобильной катастрофе, когда мне было восемь. Одна из ее подруг нянчилась со мной в нашем фургоне, когда пришли полицейские и сообщили обо всем.

Том выглядел потрясенным.

– Это ужасно.

Я кивнула и поспешила продолжить, пока мужество не покинуло меня.

– Вызвали социальную службу. В конце концов мамина сестра взяла меня к себе. У них с мужем не было детей, и они понятия не имели, что со мной делать.

Все старые обиды выплеснулись наружу. Я пыталась остановить их, но у Тома было такое доброе выражение «я слушаю» на лице, что не смогла. К тому же разве он не рассказывал о своих тяжелых временах?

– Они были суровыми и жестокими. Мне приходилось есть отдельно, потому что они говорили, что я слишком много болтаю. Тетя уничтожила единственную фотографию мамы, которая у меня была. Сказала, что снимок, наверное, по ошибке попал в стиральную машину, но я знала, что это было нарочно, поскольку всегда держала его под подушкой.

«Ты утопила маму! Ты утопила ее!»

«Не будь такой глупой девчонкой. Это всего лишь фотография».

Было так приятно поделиться этим с мужчиной, которого я любила. На сердце у меня действительно стало легче.

Том нахмурился:

– Почему же раньше ты рассказывала мне совсем другую историю?

Мое облегчение в груди сменилось холодом. Слезы защипали глаза.

– Потому что, – сказала я, по-прежнему пытаюсь улыбаться, – это был самообман. Пока росла, я справлялась единственным способом – притворялась, что ничего особенного не происходит. Воображала, что у меня есть старшие братья и сестры, которые защищают и любят меня. Возвращаясь из школы, я фантазировала о том, что моя мама по-прежнему жива. Что мы живем в приличном доме и она ждет меня...

Я прикоснулась к своему кулону, как всегда делаю, когда расстроена. И привычно представила, что мама посылает мне мужество, где бы она ни была.

– Его всегда носила мама. Сама сделала.

– И поэтому ты его не снимаешь, – сказал Том.

Я кивнула. И обнаружила, что не остановилась на этом, а продолжаю рассказывать.

– Дело в том... что есть еще кое-что.

Я проглотила комок в горле.

– После школы я поступила в художественный колледж, но на втором курсе все пошло наперекосяк.

– В каком смысле? – тихо спросил он.

Нет, поняла я, это была огромная ошибка. Внезапно почувствовала, что он не сможет принять то, чем собираюсь с ним поделиться. А я не могла рисковать тем, что потеряю Тома. Нужно было соображать быстрее.

Если хочешь рассказать убедительную историю, смешай правду с небольшой порцией лжи. Этот урок я давно усвоила.

– Как уже сказала, – поспешно продолжила я, – мои дядя с тетей были суровыми. Из-за этого, поступив в колледж и получив свободу, я слегка взбунтовалась. Гуляла с друзьями допоздна, училась недостаточно усердно. Поэтому провалила экзамены и не получила диплом.

Мне показалось или он действительно почувствовал облегчение? Возможно, Том ожидал чего-то гораздо хуже.

Если так, то был бы абсолютно прав.

Он успокаивающе погладил меня по руке:

– Но теперь ты талантливая художница.

– Шутишь? – вырвалось у меня. – Я не могу продать свои картины. Едва выживаю за счет преподавания. Если бы не ты, не знаю, что бы я делала, пока болела и не могла зарабатывать. Реши ты, что мне нужно отсюда уйти, и тогда...

– Выходи за меня замуж. – Он обхватил мое лицо ладонями и притянул к своему.

Что? Правильно ли я расслышала?

– Но мы знакомы всего три месяца.

– Знаю. Но я говорю серьезно. Пожалуйста. Никогда не встречал никого похожего на тебя, Сара. Я тебя люблю.

Последняя фраза прозвучала как стон. Она выбила меня из колеи. Такого я никак не ожидала.

Потом – возможно, нервы разыгрались – я начала хихикать.

И в тот же миг поняла, что поступила неправильно. Лицо Тома теперь напоминало опавший воздушный шарик.

– Прости, – сказала я. – Я не специально. Иногда смеюсь, когда не знаю, что еще можно сделать.

Он нахмурился.

– Это моя вина. Я поторопил тебя.

– Нет, – солгала я. – Все в порядке. Я польщена.

Мимо пронеслась еще одна машина с сиреной.

– Я не привык проявлять эмоции так, как ты. – Он вытер лоб тыльной стороной ладони. – Мне от этого не по себе, Сара.

– Знаю. И люблю тебя за это.

– Любишь? – переспросил он. – Ты тоже меня любишь?

Как я могла забрать свои слова обратно? Кроме того, я, возможно, действительно его любила. Он был так добр. Так нежен. Так заботлив. И у нас обоих в прошлом осталось кое-что, о чем мы не хотели говорить. Но и половины ему я не рассказала.

– Да, но, прости, Том, я не могу выйти за тебя.

Его лицо исказилось от разочарования.

– Почему?

Я не могла объяснить. Иначе его бы здесь уже не было. А я хотела, чтобы этот мужчина остался. Действительно хотела.

– Просто доверься мне, – сказала я.

Том

– Всем встать, – произносит секретарь, прерывая мои размышления.

В судебном заседании наступает перерыв.

Юристы порхают черными воронами, перекладывают бумаги и торопливо перешептываются с коллегами.

Я смотрю вниз на выходящих из зала присяжных. Женщин среди них больше, чем мужчин. Хорошо это или плохо? Трудно сказать.

Наши жизни в их руках. Как и другая жизнь много лет назад.

Думает ли Сара о том же самом? Она на другом конце галереи. Я смотрю на нее. Изменила прическу. А внутри она тот же человек?

Кто-нибудь из нас остался прежним?

Подозреваю, что нет.

Как это возможно после того, что случилось?

Глава 5. Том

С тех пор как Хьюго рассказал мне о том, что Чэпмен пишет мемуары, я нервничал больше обычного. И бесконечно проверял телефон в верхнем ящике стола.

По-прежнему ничего.

Затем, за три минуты до ухода на конференцию по управлению, посмотрел еще раз.

«Плохие новости о Чэпмене. Позвони мне».

Меня так и подмывало пойти с телефоном в мужской туалет, но я не мог позвонить, не будучи уверенным, что никто меня не услышит. Ведь такой разговор мог разрушить мою карьеру.

– Том, – окликнул босс. – Мы уже идем в зал заседаний.

Лишь через час и пятьдесят шесть минут, когда встреча закончилась, я смог на законных основаниях забрать свой мобильный и приготовленный перед работой сэндвич с тертым сыром чеддер и тонко нарезанным огурцом. После чего направился в парк.

Хьюго сразу же взял трубку.

– Что случилось? – спросил я.

Его голос звучал тише обычного:

– Чэпмен застрелился. Он мертв.

– Что?

У меня закружилась голова. От ужаса стало дурно. Но жуткая правда заключалась в том, что я испытал постыдное чувство облегчения.

– Неужели он?..

Я не смог закончить фразу. Но Хьюго точно знал, что я имел в виду.

– Говорил о нас перед тем, как сделать это? Не знаю. Я только что услышал новость. Придется подождать, пока вся история не появится в газетах.

В тот же миг я увидел, как вся моя жизнь растворяется. Все узнают. На работе, Сара, группа поддержки по средам...

– Похоже, он сделал это в выходные на ферме, пока жена и дети были в Лондоне, – продолжил Хьюго. Теперь его голос звучал более отстраненно, словно он дистанцировался от своих чувств. – Выстрелил себе в голову.

В моем воображении возник образ бледного долговязого школьника с испуганным выражением лица. Меня вырвало. Проходившая мимо женщина с ребенком бросила на меня полный отвращения взгляд.

– Это наша вина, – пробормотал я, вытирая рот. – Если бы мы позволили ему рассказать кому-нибудь...

– Прекрати, – твердо сказал Хьюго. – Ты не можешь так думать. Его заставили бы замолчать. Может, даже выгнали бы нас всех под каким-нибудь предлогом. В те дни все было иначе. Ты же знаешь.

Он был прав, но мне от этого не полегчало.

– Ты рассказал об этом своей девушке, Саре? – спросил он.

– Большую часть.

– Не все?

– Нет. Она не спрашивала.

Мои лодыжки обнюхивала какая-то собака. Ее хозяин шел ко мне, вероятно, чтобы надеть на пса поводок. Я встал и побрел прочь.

– Ты ведь не думаешь, что Оливия что-нибудь расскажет Саре? – спросил я.

– Как? – поинтересовался Хьюго. – Мы никогда с ней не встречались.

– Но когда я представлю ее вам, это может всплыть в разговоре.

– Сомневаюсь. Кроме того, они вряд ли станут закадычными подружками, не так ли? Втайне я согласился, но его комментарий меня задел.

– Почему бы и нет?

– Они очень разные.

Я ощутил прилив раздражения к своему старому другу и дерзко произнес:

– Вообще-то я попросил ее выйти за меня замуж.

Наступила тишина.

– Ты все еще здесь?

– Да.

– Она мне отказала.

– И то хорошо.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, вы едва знаете друг друга, а даже если бы и знали, вы – небо и земля!

Я почувствовал потребность за нее вступить.

– Ты сам сказал, что никогда с ней не встречался.

– Я слышал достаточно.

– Различие может быть и плюсом.

– Общие интересы и схожее происхождение важны, когда дело доходит до свадьбы, – твердо сказал Хьюго. – Судя по тому, что ты мне рассказывал, она тебя никогда не поймет.

Именно так заявил бы отец, будь он жив. А мама, казалось мне, проявила бы больше понимания. Я вдруг обнаружил, что ноги несут меня к мосту Ватерлоо.

– Знаешь, Хьюго, я собираюсь рассказать все Саре. Не хочу никаких секретов между нами.

– Если ты это сделаешь, то и меня втянешь.

– Она никогда никому не расскажет.

В голосе Хьюго зазвучала паника.

– Надеюсь, ты прав. И если твердо решил жениться, то, по крайней мере, узнай ее получше. Тебе нужно убедиться, что она не охотится за твоим домом и деньгами... Том? Ты здесь?

Я положил трубку. Предостережения Хьюго причиняли боль. Он ошибался. Разве после школы я не пообещал себе всегда поступать правильно? Не смогу жениться, не будучи с невестой честным.

Сара сидела на кухонном полу, окруженная холстами и кистями. Ей нравилось так работать, и хотя часть меня не любила беспорядок, другая часть восхищалась ею.

– Мне нужно кое-что тебе рассказать, – произнес я. – Подойди сюда и присядь.

Она подошла ко мне.

– Что случилось?

Я прижал ее к себе. И с болью осознал, что это, возможно, будут наши последние объятия. Погладил ее по волосам. Она вплела в них утром маленькие розовые и бледно-голубые бусины.

– Я должен тебе кое-что рассказать.

Я говорил и, к своему ужасу, чувствовал, что по моим щекам текут слезы. «Большие мальчики не плачут». Слова отца звучали в ушах, будто он был здесь, с нами.

– Том! – Сара обхватила мое лицо ладонями. Я посмотрел в ее широко раскрытые доверчивые карие глаза. – Что случилось? – тихо спросила она. – Ты меня пугаешь. Ты заболел?

– Это Чэпмен, – всхлипнул я.

– Мальчик из школы?

– Он покончил с собой. – Я сделал глубокий вдох. – Застрелился из-за того, что в школе его совратили. Его, меня и Хьюго. Один из учителей. Он обычно заставлял нас приходить к нему в комнату после ужина. Никто из нас так и не смог по-настоящему с этим справиться.

Вот так. Слова вылетели, точно пуля, которую Чэпмен пустил себе в голову.

Никогда раньше я так не рыдал. Даже когда умерла моя мать.

– Тише. – Сара держала меня в объятиях, покачивая взад-вперед.

– Ты не думаешь обо мне плохо? – плакал я.

– Конечно нет. Это была не твоя вина. Тут нигде нет твоей вины.

Мое сердце наполнилось радостью. Хьюго ошибался. Эта женщина действительно понимала меня.

Ни одному из нас не хотелось есть. И мы отправились спать. Не для того, чтобы заняться сексом, а чтобы обнимать друг друга, пока я продолжал плакать. Вся прежняя боль наконец-то выплеснулась наружу.

Проснувшись на следующее утро, я на мгновение забыл о том, что произошло. Окно было слегка приоткрыто. За утренним шумом улицы слышалось пение птицы. А потом на меня навалился жуткий приступ паники, когда воспоминания вернулись. «Сделал это в выходные на ферме. Выстрелил себе в голову».

Надо мной склонилась Сара, длинные темные волосы падали ей на грудь.

– Я передумала.

Меня пронзил страх.

– Ты собираешься бросить меня?

– Нет. Я все-таки хочу выйти за тебя замуж.

– Из жалости?

– Нет. Потому что ты хороший человек, Том. И я хочу провести с тобой остаток своей жизни. – Она выглядела взволнованной. – Если, конечно, ты сам не передумал.

Я обнял ее, вдыхая всей грудью эту необычную женщину.

– Не передумал.

Я встал с кровати и опустился на одно колено, даже не смутившись оттого, что на мне была только пижамная рубашка.

– Сара, окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

– Да, – сказала она. – Я согласна.

Затем приблизила мое лицо к своему, озаренному чудесной солнечной улыбкой.

– Я хочу, чтобы у нас было много-много детей. Целая футбольная команда! И ты станешь лучшим отцом в мире! Я точно знаю.

Я стану. Действительно стану. Мое сердце засияло при мысли о том, как буду учить наших детей считать, водить их на матчи по крикету, проводить с ними время. Я мог представить, как читаю им сказки на ночь, как держу за руку Сару, пока мы смотрим их награждение в конце семестра. И сам получал такие награды, но тогда в зале не было тех, кого бы я любил.

Отцовство дало бы мне шанс начать новую жизнь.

Я не собирался все испортить, как это сделал мой отец.

Я должен был все сделать правильно.

В конце концов, разве же это трудно?

Глава 6. Сара

Пришло время начать все сначала. Стать другой Сарой. Прогнать прошлое раз и навсегда.

– Не хочу пышную свадьбу, – сказала я, когда мы начали обсуждать приготовления. – Мне некого приглашать.

Я подумала, что мама была бы за меня счастлива, хотя она и говорила, что не верит в брак.

Мне показалось или я действительно заметила облегчение на лице Тома?

– Как насчет регистрационного офиса, где будут только Хьюго и Оливия? А подружками невесты их девочки? – предложил он.

Я не пришла в восторг ни от Хьюго, ни от его жены, когда они пригласили нас «поужинать на кухне» вскоре после того, как Том сделал мне предложение.

– Том говорит, ты художница, – фонтанировала Оливия над овощным террином, приготовленным специально для меня, поскольку я не ела мяса. (Сказано было почти недоверчивым тоном.) – Как *чудесно*.

– Мне нравится, – ответила я, гадая, какой нож и вилку должна использовать. Их было по три с каждой стороны. – Но это единственное, чем я могу заниматься, поскольку ничего другого не умею.

Оливия одарила меня самодовольной улыбкой:

– Раньше я занималась маркетингом, но бросила, когда забеременела. С финансовой точки зрения не имело смысла нам обоим работать, учитывая расходы на уход за детьми. И, кроме того, я хотела уделить им все свое внимание.

По всей видимости, это касалось и Хьюго, вокруг которого она хлопотала, словно вокруг ребенка, ставя перед ним еду и ни разу не попросив о помощи. Он был из тех самых людей, которых я терпеть не могла. Но теперь, узнав, через что прошли Хьюго и Том, понимала природу их близости.

Поначалу я считала Оливию «идеальной» женой-домохозяйкой с этими ее невероятными, потрясающими волосами оттенка клубничный блонд и кремово-персиковым цветом лица. Но позже, когда Хьюго принялся разглагольствовать о правительстве, Оливия взглянула на меня и закатила глаза. Возможно, в этой женщине таилось нечто большее, чем я предполагала!

– Что ты об этом думаешь? – спросил теперь Том.

– Прости?

На минуту я мысленно вернулась в дом Оливии, гадая, что бы подумала о ней Эмили. Эмили всегда видела в людях лишь хорошее.

– Я предложил скромную свадьбу. Только Хьюго с Оливией и их девочки в качестве подружек невесты, – произнес он слегка напряженно.

– Идеально, – ответила я, вставая, чтобы поставить блестящий кофейник из нержавеющей стали, который выглядел так, будто стоил больше средней месячной зарплаты.

– Позволь мне, – быстро сказал Том. Я отметила, что ему не нравилось, когда я трогала его вещи. Или, возможно, мне просто была непривычна чья-то забота.

– Но, пожалуйста, скажи им, что нам не нужны свадебные подарки. – Я встала на цыпочки, чтобы обнять его за шею, и добавила: – Ты – все, что мне нужно. И если хочешь заключить брачный контракт, я не против.

За ужином на кухне Хьюго упомянул об этом. В шутливой манере, хотя мне было ясно, что он серьезен.

– Чепуха, – произнес Том своим бодрым тоном. – Все мое – твое.

– Только если ты уверен.

– Я уверен. – Он снял очки и протер их. Том часто так делал, когда высказывал точку зрения и не хотел обсуждать ее дальше. – Итак, куда поедем на медовый месяц?

– А мы можем отправиться на острова Силли? – спросила я. – Моя мама часто о них говорила. И возила однажды, когда я была маленькой.

Я почти слышала, как она вспоминает с улыбкой: «Мы с друзьями добрались автостопом до побережья, а там сели на паром. Ты была совсем крошкой».

Я не знала, что значит «автостоп», поэтому ей пришлось объяснять. Только много позже мне пришло в голову, что, возможно, было не очень разумно проделывать такое путешествие с ребенком на буксире.

– Очень милая идея, – сказал Том, перегибаясь через стол, чтобы поцеловать меня в кончик носа. – Совсем как ты.

Милая? Никто никогда меня так не называл.

Свадьба казалась ненастоящей. На мне было воздушное кремовое платье, которое я сшила сама из красивого шелка и кружев, найденных на рынке. Всю короткую церемонию я ждала, что кто-нибудь ворвется и расскажет Тому про мой поступок. Но никто не ворвался. Я знала, что Том тоже был на взводе. Видимо, из-за небольшой заметки о Чэппене в деловой газете. Но там не упоминались ни книга, которую тот писал, ни имена Тома или Хьюго.

Маленькая Клемми и ее сестра Молли не смогли стать подружками невесты. У обеих болели животы, поэтому их оставили с матерью Оливии. Хотя я и не встречалась с девочками – во время моего единственного визита они спали, – те представлялись мне милыми.

– Надеюсь, с ними все в порядке, – с тревогой сказала я Тому. – У меня в двенадцать лет был разрыв аппендикса.

Я услышала в голове голос тети: «Не могу беспокоить врача в субботу из-за обычной боли в животе. Тебе придется подождать до понедельника».

К тому времени было уже слишком поздно.

Я вздрогнула от воспоминания и выкинула его из головы.

Плохие времена прошли. У меня теперь новая жизнь.

В качестве свадебного подарка Том подарил мне красивое кольцо, которое принадлежало его матери.

– Настоящие бриллианты, – сказал он.

«Черт возьми!» – подумала я, разглядывая камни. Вслух старалась не ругаться, ведь Тому это не нравилось.

– Оно потрясающее. На самом деле. – Я коснулась шеи. – Но я всегда носила мамин кулон.

Том смотрел на меня взглядом маленького мальчика, которому сказали, что ему чего-то нельзя.

– Я понимаю, – сказал он, хотя лицо выдавало иные эмоции. – Но подумал, что оно тебе подойдет для особых случаев.

– Конечно. Спасибо. – Я надела кольцо к своему кулону. – Думаю, они хорошо сочетаются, правда?

«Брак, – сказала себе, – должен состоять из компромиссов. Я в долгу перед ним после того, что сделала».

Потом мы вчетвером поужинали в шикарном лондонском отеле. Никогда в жизни не бывала в таких местах. Официанты кланялись всякий раз, когда обслуживали нас. Я заметила взгляд Хьюго, который тот бросил на меня, когда я уронила на пол морковку, но проигнорировала это и продолжила наблюдать за Оливией, чтобы знать, как себя вести. «Я не принадлежу к их кругу, – думала я. – Что же тогда здесь делаю? Неужели все-таки совершила ошибку?»

Потом мы с Томом поехали в Пензанс и сели на паром. Только стоя у борта, я почувствовала себя лучше.

– Для меня слишком холодно, – сказал Том. – Может, зайдем внутрь?

– Мне нужно подышать свежим воздухом. – Я жадно вдыхала ветер, подставив ему лицо. – Спускаюсь через минуту.

Он поцеловал меня в макушку.

– Все, что пожелаете, миссис Уилкинс.

Миссис Уилкинс? Имя, как и свадьба, казалось ненастоящим. Но как доказательство на моей левой руке блестело кольцо. Простое золотое кольцо. Том хотел чего-то более утонченного, но и это было идеальным.

Довольно многих пассажиров парома тошнило. Но не меня. Я стояла и ждала, пока не показалась земля. Это, наверное, Треско – остров, на котором мы планировали остановиться.

– Ты не спустилась, – сказал Том, который поднялся на палубу, чтобы найти меня.

– Хотела посмотреть на море, – ответила я. – Взгляни на это многоцветие.

Он прищурился.

– Оно просто синее.

– Совсем нет! – Я рассмеялась. – Тут все оттенки голубого, зеленого и пурпурного.

– Ну, раз ты так говоришь. – Он произнес это шутливо, словно подстраивался под меня.

Когда мы добрались до маленькой гавани, где на волнах покачивалось множество лодчонок, а рыбаки чинили сети, на меня снизошло странное умиротворение. Воздух был таким свежим. Пахло чистотой, совсем не так, как в Лондоне. Но самое главное – здесь побывали мы с мамой. Возможно, на этом самом месте! Быть может, она так же, как Том, держала меня за руку, пока мы шли от воды к отелю.

– Сюда не пускают машины, – объяснил мне Том. – Вот почему здесь так чисто и тихо.

Я почувствовала трепет азарта, разглядывая уютный на вид отель из медового камня. Как и другие дети, плохо помнящие родителей, я цеплялась за любую ниточку, которая сохранилась в памяти. Например, запах маминой кожи после того, как она окунала палец в баночку «Нивеи» на туалетном столике. Сколько же мне было лет, когда мы приезжали сюда? Как она смогла позволить себе отпуск?

Есть вопросы, на которые нет ответов.

– А ты знаешь, – сказала я Тому позже, глядя из постели в окно на маленький корабль на горизонте, – что, когда у художников заканчивались чистые холсты, они часто покрывали их белилами и рисовали новую картину поверх старой?

– Неужели? – Он лежал с закрытыми глазами и выглядел так, словно вот-вот заснет.

– Иногда искусствоведы могут обнаружить изначальную картину под слоем краски, – добавила я.

Том уже тихонько похрапывал.

– Люди тоже так могут, – прошептала я. – Невооруженным глазом они выглядят одной картиной, но под ней скрывается совершенно другая.

Тишина.

– Как бы ты поступил, окажись я такой? – Слова выскочили сами собой.

Никакого ответа.

Как хорошо, что мой новоиспеченный муж уже спал.

– Мы могли бы взять напрокат велосипеды, – предложила я на второй день.

– Ты шутишь? – спросил он. – Ведь знаешь, что мои попытки удержать равновесие безнадёжны.

Я была слегка разочарована, но мы повсюду гуляли пешком. И однажды вечером отправились на пикник в заброшенный замок, где я рисовала плескавшееся внизу море.

– Солнце как будто сжигает небо, – сказала я, указав на абрикосовый закат.

– Как образно, – заметил Том.

– Именно так я думаю, – ответила я, пожав плечами.

Кроме прогулок, мы много занимались любовью. Дикой страстной любовью, после которой, обессиленные, пытались отдышаться в постели. Не знала, что могу испытывать такие ощущения. Секс больше не был тем, что делаешь, чтобы доставить кому-то удовольствие или что-нибудь получить. Он был чистым. Честным. Без примесей. И заглушал черные мысли в моей голове.

Однажды, когда Том дремал, я одна сходила в симпатичный сувенирный магазинчик и кое-что купила. Увидела на витрине и не смогла устоять. Но не стала никому об этом говорить.

– Чувствую себя беременной, – произнесла я, когда мы сели на паром в обратную сторону.

– Чего? – спросил Том с тем забавным, недоуменным выражением лица, которое я часто замечала. – Обычно паре на зачатие требуется в среднем шесть месяцев.

– Когда ты успел это выяснить? – спросила я.

– На прошлой неделе провел небольшое исследование на работе. – Он казался слегка смущенным. – Так что давай не будем считать цыплят до того, как они вылупятся, хорошо?

Он слегка застенчиво рассмеялся.

– Уловила? Цыплята! Вылупились!

– Дело в том, что факты не принимают в расчет материнский инстинкт. – Я вдохнула свежий воздух, чувствуя себя такой легкой и пьянящей, словно была одной из танцующих внизу волн. – Я знаю, что жду ребенка.

И подумала: «Как мне повезло», – наблюдая, как мой новоиспеченный муж, покачиваясь, входит в каюту. Это был шанс наладить жизнь. Оставить прошлое позади. Наконец-то завести крепкую семью, о которой я всегда мечтала.

Лишь бы Том не узнал правду.

Глава 7. Том

Через неделю после возвращения домой из медового месяца я удивил Сару тем, что поставил ее новую картину в раму и повесил в гостиной. Или в лаундже, как она это называла.

– Ты такая талантливая.

Она пожала плечами, ее косички качнулись.

– Предпочитаю обнаженную натуру.

Я посмотрел на спускавшийся к пылающему оранжевому морю утес, где мы устраивали пикник.

– Это не так спорно, как обнаженные тела, тебе не кажется?

– О чем ты?

– Ну, такая картина с меньшей вероятностью вызовет негатив, когда мы соберем людей на ужин.

На работе была пара важных коллег, которых мне предстояло пригласить в гости. В прошлом они приглашали меня к себе, а мне удавалось избегать ответной любезности. Появление жены вселяло определенный энтузиазм. Лишь бы Сара не выкинула ничего странного. Например, не предложила нам поужинать перед телевизором, держа тарелки на коленях. Нельзя предугадать, что моя жена сделает в следующий момент. Временами это освежало, но потенциально могло привести к неловким ситуациям.

– Я предпочитаю человеческие тела, – твердо сказала она. – Меня не перестает удивлять, что каждый из нас настолько не схож с другими.

Та же мысль приходила в голову и мне, хотя я никогда бы не подумал высказать ее вслух.

– Постоянно гадаю, как буду выглядеть, когда подрастет живот. – Мы уже сидели на диване, под ее картиной, и Сара положила голову мне на плечо.

– Значит, ты по-прежнему думаешь, что уже беременна?

– Вообще-то, – ответила она, откидываясь назад и поглядывая на меня из-под темных ресниц, – сегодня утром я воспользовалась одним из этих домашних тестов.

Обычно я не выражаю эмоции, но тут почувствовал, как мое сердце бешено заколотилось.

– Ты?..

Она покачала головой:

– Результат был отрицательным. В инструкции говорилось, что месячные должны запаздывать, а у меня их не было. Но в последний год или около того они приходили нерегулярно. То рано, то поздно.

Я этого не знал. Разве о таких фактах она не должна была упомянуть раньше? Или подобные темы женщины держат при себе?

На следующий день мне пора было возвращаться на работу. Впервые в жизни я не испытывал своего обычного энтузиазма.

– Не беспокойся о домашних делах, – сказал я. – Все сам сделаю, когда вернусь.

– Мистер Особенный²! – Она ткнула меня локтем.

Не в первый раз Сара меня так называла. Мне не нравилось это прозвище. Разве плохо желать, чтобы вещи лежали на своих местах? Еще одна черта Сары, о которой недавно узнал. Я предпочитал, чтобы кухонные полотенца были аккуратно сложены в посудных шкафчиках, а она развешивала их на спинках стульев или, скомкав, швыряла на столешницы. Она бросала в раковину чайные пакетики, которые пачкали белую керамику. А когда стирала мои рубашки, не встряхивала их как следует перед сушкой.

² Герой детской книги про очень вьедливого мальчика.

– Полагаю, школа-интернат и годы, проведенные в одиночестве, сделали тебя независимым, – произнесла она со своим легким смехом. – Не беспокойся. У меня будет больше времени на живопись.

Но когда в конце дня я вернулся с красивым сине-розовым шарфом, который купил для Сары в «Либертис», она стояла на коленях над чистым холстом на кухонном полу.

– У меня больше не получается, – сказала она с диким выражением в глазах. – Как будто мне нужен пинок под зад – страх остаться без денег на еду или для счетчика, – чтобы происходило волшебство.

– Сара, тебе правда следует...

Я собирался сказать «следить за языком», поскольку «зад» не из тех слов, которые мне нравятся, но она неправильно истолковала мое вмешательство.

– Знаю! Мне следует чувствовать облегчение от того, что больше не нужно беспокоиться о коричневых конвертах с надписью «НЕ ИГНОРИРОВАТЬ». И я чувствую.

– Разве я не делаю тебя счастливой?

– Конечно, делаешь. – Она встала и обняла меня. От нее исходил какой-то странный запах.

– Ты что, курила? – спросил я.

– Нет. – Она отстранилась. – Если действительно хочешь знать, я зашла в газетный киоск, чтобы купить пачку сигарет, но остановила себя, впившись ногтями в запястье.

Неужели?

– Я чувствую запах табака, – настаивал я.

– Это от моей рубашки. Не было времени постирать ее после моего последнего урока. Некоторые ученики курят на перерыве.

Затем ее лицо изменилось. Вместо несчастного выражения на нем появилась одна из ее очаровательных улыбок.

– Это кое о чем мне напомнило. На следующей неделе я начинаю новый курс, так что по четвергам вечерами меня не будет.

Мне стало не по себе. И не только потому, что ее не будет дома. Что-то произошло. Хотя мы ведь еще не все друг о друге знаем? В этом и заключается суть супружеской жизни.

И тут я вспомнил и достал шарф.

– Купил тебе подарок.

– Подарок? Почему?

– Потому что мне так захотелось.

И вот опять она. Эта чудесная улыбка.

– О, Том, он прекрасен. Какие удивительные цвета. Такой красивый узор пейсли.

Я не знал, что это значит, но не хотел признаваться. Главное, она обняла меня. И все снова стало хорошо.

Несколько недель спустя центр искусств закрылся из-за нехватки финансирования. Занятия прекратились. Я постарался не показывать своего облегчения. Сказал вместо этого:

– Неважно. Когда у нас появятся дети, ты все равно захочешь оставить занятия.

– Но я буду скучать по своим ученикам! – В ее прекрасных темно-карих глазах блестели слезы. – Мне нравится направлять их руки и наблюдать, как загораются при первых уверенных штрихах лица тех, кто даже не подозревал в себе такого умения.

– Разве тебе недостаточно меня? – спросил я, понимая, что это звучит глупо и по-детски.

– Конечно, достаточно.

Она откинула назад волосы и потянулась, чтобы поцеловать меня в губы. Я сдался. Невежливо, какой эффект на меня она производила.

Несколько недель спустя Сара позвонила мне на работу. Я уже просил ее так не делать. Это выглядело непрофессионально. Мне нужно было подавать пример своей команде.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

– Угадай что? – Ее голос звучал игриво. – Ты скоро станешь папой!

Пока она говорила, я заметил одного из старших партнеров, который приближался ко мне своей размеренной, целеустремленной походкой.

– Очень хорошо, – вежливо произнес я в трубку.

– Думала, ты будешь на седьмом небе от счастья!

– Я сейчас иду на встречу.

– Так ты не можешь говорить?

– Вот именно.

Я положил трубку как раз вовремя.

– Надеюсь, я не помешал чему-то важному, Том?

– Вовсе нет, – ответил я.

Затем он начал говорить мне, что управление было «очень впечатлено» моей работой и хотело бы рассмотреть мою кандидатуру на должность младшего партнера. Но я не мог сосредоточиться. Был слишком взволнован тем, что сказала Сара. А еще напуган. Отцовство – это такая ответственность. Что, если я все испорчу, как сделал мой папа? Во время медового месяца я твердил себе, что быть достойным родителем не так уж трудно. Но теперь, когда это стало реальностью, у меня начали появляться сомнения.

По дороге домой я остановился у цветочного магазина и, чтобы подстраховаться, попросил «смешанный букет». Арабелла однажды подняла страшный шум, когда я купил ей хризантемы. Она назвала их гаражными цветами.

Я нашел Сару на кухне.

– Прости, что не смог с тобой поговорить, – сказал я, осторожно передавая ей букет, перевязанный розовой лентой. – Ты позвонила в непростой момент. Но твои новости просто потрясающие!

– Наши новости, – поправила она, снимая фартук. Сара готовила что-то вроде рагу. Называлось гуляш из тофу. – Это удивительно, правда? – Она взяла мою руку и положила себе на живот. Я не смел пошевелиться, опасаясь повредить что-нибудь внутри нее.

– Поговори с ним, – предложила Сара.

Я громко рассмеялся:

– Это же еще не настоящий человек.

– Чушь собачья! Он или она может нас слышать, ты же знаешь. Так написано в книжках про беременность. Ты слушаешь, малыш? Мы будем любить тебя вечно. Не так ли, папочка?

Она одарила меня одной из своих чудесных улыбок.

– Да, – сказал я и внезапно почувствовал себя намного лучше. – Будем.

Три недели спустя субботним утром Сара разбудила меня. Солнце уже начало пробиваться сквозь занавески. Я заметил, что между двумя кусками материи был небольшой раздражающий зазор – прошлым вечером их задегивала Сара, а не я. Когда я встал, она застонала.

– У меня болит живот.

– Попробуй облокотиться на подушки, – мягко ответил я, направляясь к действовавшим на нервы занавескам.

Позади меня раздался тихий вздох, а затем крик. Я обернулся.

– Взгляни! – воскликнула она, указывая на простыни.

Сара лежала в луже крови, которая все увеличивалась.

Мой разум заметался. Я изо всех сил пытался его удержать. Думать. Быть спокойным.

– Все в порядке, – произнес я.

– Откуда ты знаешь?

Я оставил вопрос без ответа, а взамен сказал:

– Мы позвоним 999.

Числа. Практические шаги. Вот в чем было дело. С ними я чувствовал себя увереннее. Все будет хорошо.

Должно быть.

Но если бы присяжные на своих скамьях узнали сейчас правду, то наверняка первыми не согласились бы.

* * *

Окно водителя опущено.

– Залезай, – говорит он.

– Мне нужно вернуться к полуночи.

– Просто залезай, ладно?

Он барабанит пальцами по рулю. На его правой руке большой серебряный перстень.

Похоже, с черепом.

Я оглядываюсь вокруг.

Улица пуста.

– Давай, – говорит водитель. – У меня есть идея. Будет весело.

Глава 8. Сара

Ребенка мы потеряли.

Когда я очнулась в палате, мне сказали, что сделали дилатацию и кюретаж. Видимо, так называется «выскабливание», чтобы очистить мою матку «и подготовить ее к следующему разу».

А если следующего раза не случится? Была ли в этом моя вина?

Как можно в один миг быть беременной, а в следующий – уже нет? Пока я принимала душ, по моим ногам хлынула кровь. Из-за этого я разрыдалась еще сильнее.

Когда мы вернулись домой, Том был таким милым, приносил мне чай в постель и гладил по спине.

– Конечно, я поеду с тобой, – сказал он, когда я получила письмо из больницы с предложением пройти обследование через несколько недель. – У меня назначена встреча, но я ее отменю. Ты гораздо важнее.

К моему ужасу, нас направили в женскую консультацию, где пришлось ждать в комнате среди самодовольных беременных женщин, которые заботливо поглаживали свои животы и разговаривали с другими о том, «сколько недель осталось».

– Миссис Уилкинс? – позвала медсестра.

У меня по-прежнему возникало ощущение «это о ком?», когда я слышала свою новую фамилию.

– Часто, – сказала медсестра, как только мы оказались в кабинете, – самопроизвольный аборт – естественное развитие событий, если с плодом что-то не так.

– Аборт? – Я задыхнулась. – Ничего подобного не было.

– Я использовала медицинский термин для обозначения ситуации, когда беременность без предупреждения заканчивается, – пояснила та. – Это, безусловно, расстраивает. Но, по крайней мере, теперь вы знаете, что можете забеременеть. Подождите три месяца, а затем попробуйте еще раз.

Три месяца? Казалось, что это целая вечность. Но в те дни давали такой совет.

Я в одиночестве шла домой по Оксфорд-стрит, все еще чувствуя себя неуверенно после операции. Том вернулся в офис. Недавно начали включать рождественскую иллюминацию. Дети, распахнув глаза, смотрели на пластиковых оленей в натуральную величину в витринах «Селфриджес». Среди малышей была кроха со светлыми косами, которая показывала на оленей пальчиком. Я хотела себе такую же. Почти тянуло броситься к ней и унести прочь. Почему моя мама не ценила меня сильнее? Тогда, возможно, и не поехала бы на машине без меня.

Нет. Я не позволяла себе думать о тех мрачных временах. И все же не могла перестать. Мои мысли кружились и кружились, и когда я добралась до входной двери в дом Тома – по-прежнему считала, что дом «его», а не «наш», – уже отчаянно хотела выпить. Мне велели отказаться от спиртного, пока мы пытаемся забеременеть. Но черт с ним. Том не узнает, если это будет водка, от нее не остается запаха. Я выпила полбутылки, а потом заснула.

В какой-то момент среди ночи я смутно почувствовала, как он вошел. Затем нежно поцеловал. Почти сразу мое тело, как и всегда, растаяло от его прикосновения. Я повернулась к нему.

– Разве нам не следует подождать?

Но я не могла. Было так приятно обниматься и быть единым целым. Хотя нас должно было быть трое.

Когда все рождественские украшения были упакованы, я обнаружила, что снова беременна.

– Еще слишком рано. Нам следовало подождать подольше, прежде чем пытаться, – сказала я Тому.

– Чепуха, – сияя, ответил он. – У нас на подходе еще один ребенок. Разве это не замечательно?

Я не хотела признаваться, что напилась водки перед тем, как мы занялись сексом (чего он, казалось, не заметил в порыве страсти), поэтому больше не упоминала об этом.

Потом как-то утром, заканчивая набросок площади углем, я почувствовала внизу ноющую боль. Пошла в ванную, и вот оно. Ярко-красная кровь на моих трусиках. Меня захлестнул гнев.

– Говорила же тебе, – сказала я Тому по телефону. – Говорила же, что надо было подождать, как советовала медсестра.

– Прости, – тихо произнес он на другом конце. – Я поеду с тобой в больницу.

– Нет, – отрезала я. – Одна съезжу.

На самом деле я расстроилась не только из-за него, но и из-за себя тоже.

Возможно, причина была в выпивке.

Я взяла такси до отделения скорой помощи, где меня просканировали.

– На этот раз в кюретаже нет необходимости, – сказали мне. – Плод вышел сам. Ваша матка совершенно чиста.

Они говорили так, будто это повод для гордости.

Я не позволяла себе расплакаться, пока не ушла. Подумала о паре маленьких белых ботиночек, которые, не сказав Тому, купила в сувенирной лавке на островах Силли (на всякий случай), и зарыдала еще сильнее.

– С вами все в порядке, милая? – спросила женщина, стоявшая рядом в переполненном автобусе. Остальные пассажиры болтали, смеялись, обсуждали то, что купили для своих детей на январских распродажах. Несли огромные свертки и переполненные пакеты из «Хэмлис»³.

Я кивнула, не в силах ответить. Но мне так захотелось спросить, есть ли у нее дети и случалось ли с ней когда-нибудь что-то похожее. Вот бы у меня была мама или подруга, с которой можно поговорить.

– Ты должна была позвонить мне, – сказал Том, когда вернулся домой. Он обнял меня, но я вывернулась. Я не заслуживала его любви.

– Мы попробуем еще раз, – сказал он позже, после ужина, который я даже не смогла проглотить, настолько была расстроена. – Ты знаешь, что одна из трех беременностей...

– Не хочу больше слышать никаких чертовых статистических данных! – закричала я.

Мы были на кухне. Он старательно вытирал каждый столовый прибор на подставке для сушки, и его взвешенные действия и слова вызывали у меня желание взорваться.

– Цифры не заставят меня почувствовать себя лучше, когда на одной неделе моя грудь ноет, а на следующей уже нет. Они не помешают мне разглядывать на улице женщину на шестом месяце беременности и думать: «Вот какой я надеялась стать к этому сроку».

Я безудержно разрыдалась.

– У тебя еще будет ребенок, – неуклюже сказал Том.

– Но мы этого не знаем, так?

На это у него не было ответа. Да и откуда? Ведь никто не знал.

Мы попробовали снова. И снова. У меня случилось еще два выкидыша. Каждый примерно на одиннадцатой неделе.

Я пыталась отвлечься, украшая дом. Купила в киоске сине-оранжевый коврик, но Тому тот не понравился.

³ Британская сеть магазинов детских игрушек.

– Слишком яркий, – сказал мне муж.

В том-то и заключался весь смысл. Это место необходимо пробудить. Здесь все хромированное или бежевое. Поначалу дом выглядел роскошным по сравнению с теми помойками, в которых я жила. Но теперь он казался враждебным.

Почти ничего тут не принадлежало мне. Даже тело ощущалось как чье-то чужое.

Позже, когда магазины снова развесили плакаты «С Рождеством!», это наконец случилось. Синяя полоска, которая означала, что я жду ребенка.

– На этот раз все может быть хорошо, – заверил меня Том.

– Не хочу об этом говорить, – отрезала я. – Ты не должен никому рассказывать. Особенно Хьюго и Оливии. Мы будем вести себя так, будто я не беременна, чтобы у меня не было пустых надежд, когда все пойдет не так.

– Но...

– *Том!* Пожалуйста, уважай мои желания.

Он согласился. Мы не рассказали о беременности ни одной живой душе. Даже Хьюго. По крайней мере, так утверждал Том, хотя кто знает, о чем они говорили друг с другом, когда играли в теннис по воскресеньям. Интуиция подсказывала мне не доверять этому человеку. Я была уверена, что это он подначивал Тома в той ужасной истории с издевательствами в школе.

Удивительно, но я доходила до двенадцати недель. Сделала сканирование, и вот он, движется на экране передо мной.

– Выглядит совершенно здоровым, – сказал доктор.

В шестнадцать недель мне стало нелегко застегивать джинсы. В саду расцвели нарциссы. «С тобой все будет в порядке», – весело кивая, говорили их маленькие головки.

Вскоре Оливия и Хьюго пригласили нас на ужин. Я отказывалась от всех их приглашений после второго выкидыша, но теперь решила, что могу принять предложение. Когда мы пришли, Оливия что-то помешивала на плите. От запаха меня едва не стошнило.

– Это желтая пелотрета⁴, – пояснила Оливия. – Надеюсь, вам понравится.

– Извините, – выпалила я и бросилась в туалет.

А когда вернулась, по выражению лица Оливии поняла, что Том ей все рассказал.

– Какие замечательные новости, – сказала она, обнимая меня.

– Мы еще какое-то время собирались ничего не говорить, – многозначительно парировала я.

– Но теперь все в порядке, – сказал Том. – Большинство выкидышей происходит до двенадцати недель.

Он произнес слово «выкидыш» так, будто это научный термин. А не мучительная потеря живого, дышащего ребенка. *Нашего* ребенка.

– Мапочка, – прозвучал на лестнице тихий голосок, – я не хочу спать.

Я с завистью посмотрела на старшую дочь Оливии и Хьюго. У нее были красивые светлые волосы оттенка клубничный блонд, как у матери, и маленький вздернутый носик.

– Хорошая попытка, Клемми. – Хьюго подхватил дочь на руки. – Но тебе нужно выспаться, а мы хотим побыть наедине.

– Привет, – сказала я.

– Кто вы? – требовательно спросила девочка.

– Меня зовут Сара.

Ее глаза расширились.

– Сара, которая ищет талоны на питание?

Наступило неловкое молчание.

– Клемми! – едва слышно окликнула девочку Оливия. – Это ужасно грубо.

⁴ Разновидность камбалы.

– Но папа всегда так о ней говорит. Поэтому нам не разрешили быть подружками невесты.
– Ерунда! – Хьюго выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, только не здесь. – Дети частенько все неправильно понимают. На самом деле это довольно забавно.
– Я так не считаю, – жестко сказал Том. И довольно скоро мы ушли.

– Не обращай внимания на Хьюго.
Я понимала, что он в ярости, и солгала:
– Я и не обращаю.
– В его реестре любой, кто не ходил в частную школу или не разговаривает как Оливия, – не один из нас.

– А как насчет тебя? Ты считаешь меня чужой?
Том замер посреди улицы. Затем обхватил ладонями мой подбородок, притянул мое лицо к своему и просто сказал:

– Ты – глоток свежего воздуха. И я обожаю тебя за это.
Мне сделали еще одно сканирование на двадцатой неделе. Я действительно слышала сердцебиение! Наш малыш сосал большой палец. Или малышка. Все было реальным. Это не была выдумка или надежда. Я носила ребенка!

– Могу сказать вам пол, если хотите, – предложил доктор.
– Да, – ответил Том.
– Нет, – ответила я.
– Но если мы будем знать, нам станет гораздо легче покупать одежду и украшать детскую, – заметил мой муж.

– Я бы предпочла сюрприз, – перебила я. Хотя на самом деле я просто не могла себе позволить слишком сильную привязанность. Если придется потерять и этого, то пусть лучше потеряю просто ребенка, а не сына или дочь.

В двадцать две недели я решила, что время пришло. Пока Том был на работе, я начала делать набросок фрески на одной из стен третьей спальни. С нашей свадьбы не могла рисовать или писать, как прежде. Просто не выходило. Но теперь первым появилось дерево. Потом солнце. Парк обретал очертания. Мои руки работали недостаточно быстро. Я наклонилась – немного вправо, – чтобы набросать пруд с утками. Стул закачался. Я на секунду выпрямилась. Стул снова качнулся. А потом рухнул на пол.

Меня колотило. Что-то было не так. Я почувствовала внутри тяжесть, которой раньше не было. Внизу тянуло.

Пятна крови.
– Нет! – завопила я. – Исчезни!
Кровь текла все быстрее. Я похолодела. Покрылась потом. Подползла к телефону. Никак не могла вспомнить номер офиса Тома. От ужаса не могла вспомнить даже номер экстренной службы.

– *Помогите!* – кричала я. – Пожалуйста, кто-нибудь. *Помогите мне!*

Глава 9. Том

Если бы сосед не услышал и не вошел через незапертую заднюю дверь, не знаю, чем бы все закончилось.

В больнице сказали, что падение тут ни при чем. Похоже, выкидыш начался еще до него.

– Может быть, – сказал я, когда Сара, бледная и измученная, вернулась домой, – нам следует забыть о детях.

Она пробыла в больнице больше недели, и я боялся, что никогда до конца не оправится от травмы, которую вызвало рождение мертвого ребенка.

Сара уставилась на меня с ужасом:

– О чем ты говоришь?

Я подозревал, что она может так сказать. Поэтому был готов.

– Выслушай меня. Пожалуйста. Мы же можем прекрасно жить вдвоем. Подумай об этом. Сможем делать все то, что не смогли бы, будь у нас дети. Например, путешествовать и...

Я замолк. Правда заключалась в том, что путешествия никогда не стояли у меня на повестке дня. Я из тех людей, кому нравятся знакомые вещи. Но предположил, что подобное может понравиться Саре.

– Ты просто не понимаешь, да? – Ее темно-карие глаза стали дикими. Я бы даже сказал, что она пронзала меня взглядом. – Мне *необходимо* забеременеть! – закричала она. – У меня должна быть семья!

Она выглядела почти обезумевшей. Это напугало меня. Неужели я женился на сумасшедшей?

– У меня тоже не было настоящей семьи, – отметил я нарочито спокойным голосом. – И я был бы вполне счастлив, если бы в моей жизни была только ты.

– У тебя есть твой драгоценный друг Хьюго.

Мы столько раз это обсуждали. Я был очень зол на Хьюго после комментария Клемми о «талонах на питание».

– Наверное, ты произнес при ней эту фразу, – сказал ему я.

Но он уверял, что дочь все неправильно поняла:

– Ты же знаешь детей. Они подхватывают слова и используют их в другом смысле.

Я знал, что он лжет, но после Чэпмена потребовалось бы нечто большее, чтобы мы перестали быть друзьями.

И вот теперь Сара разрыдалась. Она выглядела ужасно. Тенью самой себя.

На секунду я вспомнил свою мать. Никто даже не говорил мне, что она болела. Смутно припоминая, что ей приходилось много лежать. Но потом меня отослали погостить к тете. А когда я вернулся, ее уже не стало.

– У твоей матери был рак, – сказал отец. – Такие вещи случаются. Мне очень жаль.

Это было самое близкое к эмоциям, что он проявлял.

– Мужчины должны выглядеть сильными, даже если ничего подобного не ощущают, – сказал мне отец после того, как мы увидели маму в гробу с восковым лицом. После смерти мышцы ее челюсти ослабли, поэтому она походила на одно из вытянутых отражений в ярмарочных зеркалах.

Я следовал этому совету так, словно он по надежности не уступал таблице умножения. Поэтому никому не сказал о своих чувствах, увидев опустевший туалетный столик мамы, с которого исчезли все ее маленькие безделушки. Он теперь был совершенно пуст. А из шкафа исчезла одежда.

Как будто моей мамы никогда и не существовало.

Что, если я и Сару потеряю? Я потянулся через кухонный стол, попытался взять ее за руки, но она отстранилась.

В отличие от предыдущих консультантов, которые ее осматривали, последний обнаружил, что у моей жены рубцы на фаллопиевых трубах. В клинике предположили, что это может быть связано с удалением аппендикса в детстве. «Возможная» причина ее выкидышей.

Сара была в ярости. По правде говоря, ее лицо напугало меня.

– Если бы тетя послушала, когда я сказала, что плохо себя чувствую, этого бы не случилось.

«Если бы этого не случилось...»

«Если бы мы этого не сделали...»

Обе фразы часто звучали в моей группе по средам.

Сейчас я попытался сосредоточиться.

– Мне очень жаль. Но дело в том... что теперь это в прошлом. Мы должны реалистично смотреть в будущее. Он сказал, что для тебя это везение – зачать столько раз.

– Тогда нет причин, почему я не могу сделать это снова, – огрызнулась она в ответ. – В следующий раз все будет хорошо. Я знаю.

Но проходили недели, а затем и месяцы. К ноябрю ничего не произошло. Сара стала вялой и рассеянной. Снова начала рисовать. Большие жуткие серые абстракции.

И вот однажды, вернувшись вечером с работы, я нашел жену сидящей на полу в нашей спальне. Ее красивые длинные черные волосы стали короткими и колкими. На ковре лежали неровные пряди рядом с парой кухонных ножниц.

– Зачем ты это сделала? – спросил я.

Она уставилась на меня, словно ответ был очевиден.

– Либо их, либо запястья, – сказала она. – Не хочу продолжать, если у нас не может быть ребенка.

Я опустился на ковер и обнял ее.

– Да ладно тебе. Все будет хорошо.

– Одна попытка ЭКО, – ответила она. – Это все, чего я хочу. Пожалуйста. Подумай о детях Хьюго и Оливии. Разве тебе не хотелось бы такую, как Клемми или Молли?

Я вспомнил те первые дни, когда с таким нетерпением ожидал отцовства. Но даже не представлял, как трудно может оказаться произвести на свет ребенка.

– Дело не только в деньгах, – медленно произнес я. – Хотя нам придется взять их из отложенного на непредвиденные расходы. Я волнуюсь за тебя. И не знаю, насколько хорошо для нас снова проходить через все это.

Она отодвинулась от меня.

– Что ты имеешь в виду под «хорошо для нас»? Думаешь, мы расстанемся?

– Нет. Конечно, не думаю. Я люблю тебя.

– Тогда позволь мне это. Пожалуйста.

– Хорошо, – неуклюже ответил я. – Мы попробуем ЭКО. Но только один раз.

– Спасибо.

Сара обняла меня. И мир мгновенно был восстановлен. Ко мне вернулась моя добродушная жена. Как может разумный человек за такой короткий промежуток времени превратиться из настолько несчастного в настолько счастливого? Из-за этого я чувствовал, что совсем не знаю эту женщину – мою жену. И впервые задумался, не совершил ли ошибку.

Глава 10. Сара

Когда раздался звонок в дверь, я лежала на кровати, все еще расстроенная очередной ссорой с Томом. Мы попробовали ЭКО, и попытка провалилась. Я умоляла попробовать еще раз, но он отказывался.

Том действительно не понимал моих чувств. А почему он должен был? Я влюбилась в мужчину, которого с детства приучили скрывать эмоции.

В дверь снова позвонили. Кто это? Ни один из моих старых друзей не знал, где я живу. Я об этом позаботилась.

Я потащила вниз по лестнице. На пороге стояла красивая женщина с безупречным цветом лица, ярко-голубыми глазами и светлыми волосами клубничного оттенка. Она держала в руках огромный букет лилий «старгейзер». От удивления я не сразу ее узнала. Оливия.

– Тебя послал Том? – требовательно спросила я.

Она кивнула.

– Да. Но, честно говоря, я все равно подумывала зайти. Это тебе.

Она протянула цветы, а затем совершенно неожиданно заключила меня в крепкие объятия, чуть не раздавив букет.

– Мне так жаль, – пробормотала Оливия. – Тебе выпали дерьмовые времена. И еще мне жаль, что я не была с тобой дружелюбнее.

Она уже переступила порог, хотя я и не приглашала ее войти. Почему такие женщины, как Оливия, считают, что от природы обладают правом делать то, что им хочется?

– И то, что ваша дочка заявила, будто я ишу талоны на питание, делу не помогло, – заметила я.

– Это все Хьюго, не я. Он может быть невыносимым мудаком. – Она зажала рот ладонью.

Что-то в ее грубости и ужасе ситуации заставило меня рассмеяться. Похожий на вопль хохот вырвался из моего горла.

Мгновение Оливия выглядела потрясенной, а затем тоже рассмеялась. Скоро мы уже бились в истерику, привалившись к стене, чтобы не упасть на пол.

Наконец она схватила меня за руку.

– Вот что я тебе скажу. Давай отправимся в город и напьемся. Я знаю один крохотный бар в Сохо. Сможем поболтать по-девичьи и вылить всю грязь на наших мужчин.

Мы вышли из дома прежде, чем я успела придумать отговорку. Через несколько секунд Оливия остановила такси.

– Как мило, да? – сказала она, похлопывая меня по руке, когда мы опустились на заднее сиденье.

– Почему ты стала вдруг такой дружелюбной? Потому что тебе меня жаль?

– Да, отчасти, – призналась она. – А еще потому, что восхищаюсь тобой.

– Восхищаешься мной?

Она пожала плечами. Меня обдало волной духов. Дорогой запах.

– Ты не боишься выделяться, – объяснила она. – Носишь то, что тебе нравится, и рисуешь обнаженную натуру. – Таксист взглянул на нас в зеркало заднего вида. – Могу сказать, что ты последний человек, на ком, по нашим ожиданиям, мог бы жениться скучный старина Том.

Я ощутила порыв встать на его защиту.

– На самом деле он не скучный.

– Ой, да ладно тебе! – Оливия сделала бесстрастное лицо и довольно неплохо изобразила голос Тома. – Если вы разделите расчет тридцати на логику десяти и вычтете из этого девяносто восемь, что получите?

– Понятия не имею. – Я снова фыркнула от смеха. Внутри меня словно что-то вырвалось на свободу.

– Видишь ли, есть одна хитрость: чтобы добиться своего в браке, нужно притворяться, что все это их идея, – объясняла Оливия в баре полчаса спустя. – Ты говоришь Тому, что рада отдохнуть от ЭКО, но хочешь, чтобы он взял отпуск на неделю или две. Вы едете и устраиваете второй медовый месяц. Никакого давления. Никаких придирок. Затем медленно, очень медленно, по капле ты внушаешь идею сделать еще один заход.

Я была одновременно впечатлена и слегка шокирована.

– Так ты обращаешься с Хьюго?

Выражение ее лица мгновенно омрачилось. Всего на секунду, но этого было достаточно.

– Некоторые мужчины совсем другие, – сказала она.

Я хотела спросить еще, но чувствовала, что недостаточно хорошо ее знаю. Возможно, она подумала так же, потому что сразу сменила тему.

– А теперь рассказывай, – сказала она тоном девчонки, что напомнило мне о компании крутых ребят в школе. Которые отгораживались от меня. – О влюбленности Тома мы поговорили. А что насчет тебя? Чем тебя привлек Том? Вы такие разные.

Разве я не задавала себе этот вопрос снова и снова?

– На самом деле мы запали друг на друга, – вырвалось у меня.

Оливия радостно рассмеялась:

– Я всегда подозревала, что Том хорош в постели. Часто именно в тихонях есть скрытые глубины. – Ее глаза сверкнули. – Расскажи мне еще!

– Он надежный. – Я сделала новый глоток вина. – Вот что на самом деле помогло. Я знала, что он никогда меня не подведет.

– А, – сказала Оливия, чокаясь со мной. – Я гадала, не была ли это старая добрая надежность. Так кто же тогда причинил тебе боль? Ну же. Ты можешь рассказать мне. Для этого и нужна девичья болтовня.

Я хотела отметить, что «девичья болтовня» никогда не была моим коньком. Даже с Эмили. В прошлом было слишком много такого, о чем я не хотела ни с кем делиться.

– Как его звали? – настаивала Оливия. Ее слова звучали невнятно. Она слишком много выпила. Как и я. Но мне лучше удавалось держать себя в руках.

– Не хочу говорить, – сказала я.

– Все еще свежо? Тогда держу пари, это была первая любовь. От нее всегда больше всего. Как она узнала?

«Это не опасно, Сара, – шептал он в моей спальне, расстегивая мне молнию на юбке, пока тети не было дома. – Честно. Я обещаю...»

– Сколько лет тебе тогда было?

– Шестнадцать, – ответила я.

Оливия подняла брови.

– Совсем молодая. Мне было восемнадцать. Он был французом. Мои родители были знакомы с его, и мы все вместе поехали отдыхать в Канны, – говорила она мечтательно. – Мама убила бы меня, узнай она, что на самом деле мы не «ходили гулять» по вечерам.

Теперь в мыслях пробудился образ тети.

«Ты грязная девчонка! – завопила она, неожиданно ворвавшись к нам. – Совсем как твоя мать. Ничем не лучше шлюхи».

– А Том не возражал? – спросила Оливия.

– Не знаю. Мы это не обсуждали.

Правда заключалась в том, что однажды Том спросил, был ли у меня кто-нибудь раньше, и я сказала, что встречалась с одним или двумя парнями, но они ничего не значили. Казалось, его обрадовала возможность не продолжать этот разговор. И я почувствовала облегчение.

Оливия отправила официанта за очередной бутылкой.

– На твоём месте я бы не поднимала эту тему. Таким мужчинам, как Хьюго и Том, нравится думать, что они клевые, но на самом деле они очень традиционны. Узнай Хьюго, что я не девственница, он бы не женился на мне.

– Правда?

– Да. Честно. – Она сделала ещё один большой глоток и уставилась вдаль. – Иногда мне кажется, что я упустила свою жизнь.

– Почему же ты вышла за него замуж?

Её глаза округлились, словно ответ на заданный мною вопрос очевиден.

– Потому что он был подходящим человеком. Понимаешь? Он ходил в хорошую школу. Его и мои родители из одного круга. И он много зарабатывал. Моя мать часто говорила: «Выходи замуж туда, где есть деньги. Если там окажется и любовь, получишь бонус».

– Но это ужасно!

– Не совсем. Это практично. Кроме того, я действительно любила Хьюго, когда выходила за него.

Она замолчала.

– А теперь? – спросила я.

Лёгкая улыбка мелькнула на её губах.

– У нас есть девочки. Это совсем другое дело. Ты поймешь, когда у тебя родится ребенок. И не смотри так. Родится. Я знаю. Сделаю все, чтобы вы обратились к правильным специалистам. На самом деле есть один замечательный человек, который помог другой моей подруге забеременеть после многих лет попыток.

Другой подруге? Означало ли это, что теперь я тоже ее подруга?

Она была совсем не похожа на Эмили. Но, возможно, это и хорошо. Никто не заменил бы Эмили с ее добрыми глазами.

– Есть только одна загвоздка, – сказала она.

– Какая?

– Ты должна сделать меня крестной.

Я улыбнулась:

– Для меня это было бы честью.

– А теперь, – сказала она и встала, покачиваясь, – нам нужно поймать такси до дома. И по дороге мы сможем решить, где вы с Томом будете отдыхать. В Париже или в Вене? – Она взволнованно захлопала в ладоши. – У меня такое чувство, будто я сама туда поеду! Боже! Неужели так поздно? Как же хорошо, что девочек заберут из школы. Мне нужно протрезветь.

Я вернулась домой, чувствуя, что давно не испытывала такого счастья и воодушевления. Все будет хорошо. Я ощущала это всем естеством.

Глава 11. Том

Во время очередного перепада настроения Сара вернулась после обеда с Оливией воодушевленной. Даже предложила отправиться куда-нибудь отдохнуть ненадолго.

– Хорошая идея, – сказал я. – Мне пора в отпуск.

– Я думала о Париже или Вене, – сказала она.

– Так долго отдыхать я не смогу. И, кроме того, в Великобритании много красивых мест.

Мои мысли вернулись к одним из немногих детских каникул с родителями, которые я помнил.

– Когда мне было около семи, мы поехали в один прекрасный приморский городок недалеко от Эксетера, – сказал я. – Моей маме там нравилось. Она каждое утро плавала в море рядом с отелем.

– Тогда поедем туда, – предложила Сара. – Ты сможешь вспомнить, как называлось это место?

– Нет. Но точно знаю, что там в детстве жила королева Виктория. Отец заставлял меня зубрить имена всех монархов.

– В семь лет? – спросила она.

– Он многого от меня ожидал, – натянуто произнес я.

– Тогда мы сумеем найти этот город. Предоставь это мне.

И у нее получилось. Удивительно, как удается вспоминать вещи из настолько далекого прошлого. Как только мы припарковались возле красивого отеля со старинными арочными окнами, свинцовыми переплетами и потрясающим видом на пляж, я почувствовал, что мама словно рядом. Странно, учитывая, что обычно я не столь сентиментален. И все же, пока мы сидели в обеденной зале, я почти мог представить, что мама вместе с нами за столом. Она бы полюбила мою жену с ее улыбкой и певучим голосом, так похожими на ее собственные.

– Мне здесь очень уютно, – сказала Сара, когда мы прогуливались по набережной, любуясь прекрасной архитектурой эпохи Регентства. – В таком месте было бы идеально растить ребенка.

Я издал звук, надеясь, что тот прозвучит как согласие, но без поощрения к дальнейшему разговору. Однако нельзя отрицать, все больше и больше думал, что мы были бы счастливее, если бы на нас не оказывалось такое огромное давление. Некоторым парам просто не суждено иметь детей. Может, это несправедливо, но, вероятно, правильно, учитывая все обстоятельства. И в то же время я знал, что Сара не будет счастлива без ребенка. Каждый раз, когда мы видели на улице семью, ее взгляд притягивали малыши, которые скакали, держа за руки своих родителей и глядя на них с обожанием.

Одного лишь меня ей оказалось недостаточно.

Возможно, я должен был приложить больше усилий, чтобы убедить ее в обратном.

– Вот что я тебе скажу, – произнес я. – Пойдем кататься на роликах, если хочешь.

Мы заметили, что некоторые люди раскатывали вдоль береговой линии.

Сара рассмеялась.

– Но у тебя «проблемы с координацией», – поддразнила она.

– Это не значит, что я не могу попытаться, – возразил я. – Помнишь каток?

– Тогда ловлю тебя на слове.

Что, черт возьми, я делал? Когда упал уже в тысячный раз, она признала мою правоту.

– Но, по крайней мере, ты попытался, – сказала она после того, как мы переоделись в обычную обувь, и взяла меня за руку.

Потом мы занимались любовью. Безумной, страстной, безудержной любовью, а за окном сияло море. Эта женщина – моя жена – была потрясающей. Пока мы не встретились, я и пред-

ставить не мог, что секс бывает таким. Как только она примирится с тем, что мы останемся бездетными, и переживет свое разочарование, все станет хорошо. Я был уверен в этом.

Но ничего не складывается так, как ожидаешь.

– Беременна? Как такое возможно? – спросил я несколько недель спустя.

– Разве это не удивительно! И совершенно естественно. Ну, почти.

– Что ты имеешь в виду?

Она покраснела.

– Оливия дала мне несколько советов. Например, принимать кое-какие добавки и делать иглоукалывание. У нее есть замечательная женщина, к которой я пару раз ходила.

– Я этого не знал.

– Не хотела тебе говорить на случай, если не сработает. Я, конечно, не собираюсь напрасно надеяться.

Прошло пять месяцев. Сара расцвела. Она всегда была красива, но теперь ее кожа приобрела поразительное сияние. Образовался небольшой животик. Последнее сканирование показало, что все «совершенно нормально». Новый консультант, который настаивал на ежесекундном сканировании, сказал, что, возможно, первоначально диагностированные внутренние рубцы были «некоторым преувеличением». Мы с Сарой обнялись от волнения.

Однажды июльским днем мы отправились погулять. Я не хотел этого делать, поскольку считал, что Саре следует больше отдыхать. Но она настояла.

– Сегодня прекрасный день. Он идеально подходит для субботней прогулки.

И вот мы отправились посмотреть предлагаемое место строительства Лондонского глаза⁵.

– Представь себе! – воскликнула Сара. – Когда его закончат, у нас уже будет ребенок!

Мое сердце наполнилось гордостью. Наш ребенок! Я начинал понимать, насколько сильно Сара хотела детей. И лишь страх, что все снова пойдет не так, выбивал из колеи.

Сара потащила меня в «Камден-маркет», одно из ее любимых местечек.

– Подумала, что мы могли бы купить немного детской одежды, – сказала она, дергая меня за рукав. – Смотри. Здесь есть киоск.

Это был хороший знак. Кроме тех белых детских ботинок, которые я обнаружил, когда несколько недель назад искал что-то в нашей спальне, моя жена отказалась что-либо покупать, поскольку это «искушает судьбу».

– Мы купим и синюю, и розовую курточки, – взволнованно лепетала она. – На всякий случай. Имей в виду, я уверена, что это мальчик. Оливия сделала мне тест с кольцом.

– Что?

Она покраснела.

– Я держала это в секрете, потому что думала, ты сочтешь это глупостью. Наверное, это немного бабушкины сказки. Но кто-то держит золотое кольцо на шнурке и прикасается к твоему животу. Оно начинает вращаться. Если в одну сторону, то у тебя будет мальчик. Если в другую, то девочка.

– По-моему, звучит в высшей степени ненаучно, – сказал я.

– Возможно! – рассмеялась моя жена. – Но было очень весело. Оливия прелестна. Она даже дала мне какой-то жутко дорогой крем, чтобы потом у меня не было растяжек.

Мы свернули в переулок.

– Не найдется пары фунтов, приятель? – спросила женщина, сидевшая на тротуаре. У нее были дреды, морщинистое лицо и суровый взгляд.

Затем она произнесла слова, которые преследуют меня до сих пор:

⁵ Колесо обозрения в Лондоне, расположенное в районе Ламбет на южном берегу Темзы. Крупнейшее в Европе и одно из крупнейших в мире. Открыто в марте 2000 года.

– Сара? Это же ты? Сара Винсент.

Моя жена опустила взгляд, и я увидел, как напряглось ее лицо. Затем она схватила меня за руку и потащила прочь.

– Кто это была? – спросил я.

– Не знаю.

– Но ей известно твое имя, – сказал я в замешательстве.

– Не знаю откуда. – Сара зашагала быстрее. – Возможно, она училась у меня в центре искусств. Я не могу помнить всех. Пойдем.

– Сара, – звала женщина. – Я – Келли. Ты помнишь. Не игнорируй старую приятельницу. Она подбежала к нам сзади. И посмела схватить Сару за руку! Как такое возможно?

– Убери руки от моей жены, – сердито произнес я, – или вызову полицию.

– Копов? – Женщина запрокинула голову и расхохоталась. Ее редкие зубы покрывали пятна. – Сара этого не хотела бы, не так ли, дорогая?

В моей груди все сжалось.

– О чем вы?

– Мне рассказать ему, Сара, милая? Или ты сама?

Глава 12. Сара

– Я думаю, – сказал Том после того, как расстался с хрустящей десятифунтовой банкнотой и повел меня в местное кафе, – тебе лучше рассказать мне все. – Он взглянул на мой животик. – Мне нужно знать.

Еще не слишком поздно, сказала я себе. Я могла бы заявить, что Келли была пьяна, или под кайфом, или и то и другое, и не понимала, что говорит. Но в то же время я ощутила облегчение. Возможно, лучше всего было бы признаться во всем.

– Я давно хотела тебе рассказать, Том, – сказала я, осторожно помешивая свой кофе. – Но не было подходящего момента.

Его лицо сморщилось.

Тогда я поняла, что мне следовало промолчать. Он бросит меня и ребенка. Мы останемся одни. Но теперь молчать уже нельзя. Я сделала глубокий вдох.

– У меня никогда не было друзей в школе. Тех, у кого нет родителей, как правило, избегают. Ты словно отличаешься от остальных.

Том снова слегка кивнул. Слегка приободрившись, я продолжила:

– Но в художественном колледже тебя не спрашивают о том, откуда ты. Все, что мы хотели, – это рисовать, писать и быть экспрессивными. Впервые я почувствовала, что меня приняли.

Он еще раз кивнул.

– Я попала в компанию, которую некоторые люди могли бы назвать «неправильной», хотя мне она такой не казалась. У меня были и другие друзья, более состоятельные. Одна из них была особенной. Эмили. Мы были лучшими подругами. – Я хотела рассказать о ней побольше, но боялась выболтать слишком много.

Я закрыла глаза. Так далеко зашла, что остановиться невозможно. Сейчас я видела ее лицо прямо перед собой. Золотые кудри. Фарфорово-голубые глаза. Ее манера слушать, подперев рукой подбородок. Чтобы успокоиться, я попыталась сосредоточиться на окружающем гапе. На болтовне за соседними столиками. На звоне чашек. На грохоте, который наводил на мысль, что где-то уронили поднос. На ускорившемся ритме сердца.

– Однажды вечером я была на вечеринке, и кто-то дал мне таблетку.

Том застонал.

– Из-за нее я почувствовала себя так хорошо, – прошептала я. – Через некоторое время мои друзья сказали, что не могут продолжать давать мне наркотики. Что теперь за них придется платить. Так что я начала торговать. Ты должен понять, я не знала, что еще делать, и это продолжалось всего год или около того. Та женщина – Келли – одна из тогдашних моих знакомых.

Том вертел в руках пустую чашку. Он не мог даже смотреть на меня.

Я встала. Все было плохо.

– Куда ты собралась? – Его голос звучал резко, но на лице отражалась тревога как у маленького мальчика.

– Домой, собирать вещи.

Он коротко рассмеялся:

– И это все?

Я пожала плечами, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно.

– Похоже, ты уже принял решение.

– Я не то имел в виду, говоря: «И это все?» – уточнил Том. – «И это все?» означало: «Ты мне все рассказала?»

Время пришло. Сейчас я могла признаться во многом.

Посмотрела вниз на свой маленький животик. На чудо, которое росло внутри меня.

Несмотря на выкидыши, у меня было хорошее предчувствие. В глубине души я знала, что это мальчик. И должна была дать своему сыну хорошую жизнь. Должна была убедиться, что отец его не бросит. Я не хотела, чтобы малыш чувствовал вину за то, что у него только один родитель, как я когда-то. Теперь времена изменились, но тогда отсутствие отца было большой проблемой.

– Да, – ответила я. – Я рассказала все. А как насчет тебя?

Не знаю точно, почему я это спросила. Возможно, пыталась помешать ему и дальше задавать неловкие вопросы. Я определенно не ожидала того, что случилось дальше.

– Вообще-то, – сказал он, – и в моем прошлом есть кое-что, чем я должен был давно с тобой поделиться.

Теперь в свою очередь смутилась я.

– Что ты имеешь в виду?

– Мой отец умер от печеночной недостаточности, потому что был алкоголиком.

– Почему ты раньше не говорил? – спросила я.

Я никогда не видела отца Тома. Он умер незадолго до того, как мы с Томом встретились. Я пыталась подтолкнуть его к разговору, но Том не захотел.

– Мне было стыдно. Это еще больше укрепило мою решимость не пить. Что касается наркотиков... – Он посмотрел на меня с выражением «как ты могла?». – Я всегда считал их злом.

Мы помолчали, затем Том продолжил:

– Иногда я думаю, что был бы совсем другим человеком, если бы рос рядом со своей мамой. Мы с ней были очень близки.

Он говорил почти мечтательным тоном, которого я у него никогда не слышала.

– У нее была чудесная улыбка. Очень похожая на твою, правда. Когда ее не стало...

Он замолчал.

Его глаза заблестели от слез.

Я хотела протянуть руку, но что-то подсказывало мне, что не стоит двигаться, иначе он замкнется. Я интуитивно понимала, что Тому необходимо выговориться.

– Когда ее не стало, в мире словно погас свет. С тех пор я не чувствовал себя любимым. Пока не встретил тебя.

Я не смогла удержаться и не заговорить. Прошептала:

– Это чудесно. Но мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это.

Большая ошибка. Мои слова словно вывели его из транса. Он встряхнулся. Вернулся Том, который не мог показывать чувства.

– Все в порядке. Подобные вещи случаются. Тогда-то я и отправился в школу-интернат. Наверное, так для меня было лучше. Иначе пришлось бы остаться дома с отцом и его новой женой. – Он издал еще одно «ха». – Они времени не теряли.

– Знаешь, – тихо сказала я. – Мы были честнее друг с другом, чем когда-либо прежде. Нам следовало поговорить об этом раньше. – Я потянулась к его руке. – Мне очень жаль.

– Мне тоже жаль, – сказал он. – Я не одобряю того, что ты сделала. Но понимаю, как это могло произойти.

У нас все будет хорошо! У меня на сердце стало легче. Потом я ахнула.

– Что такое?

– Кажется, он пошевелился. Всего лишь дрожь. Потрогай! Может, он снова пошевелится. Я осторожно положила руку Тома себе на живот. И опять почувствовала дрожь.

Лицо Тома напомнило мне лицо той маленькой девочки, которую я видела несколько лет назад у витрины «Селфриджес» в Рождество. Изумленное. Неверящее. Словно он стал свидетелем чего-то чудесного.

– Ты все еще любишь меня? – спросила я.

Последовало короткое молчание. Я едва могла дышать.

– Да, – ответил он.

Я знала, что Том не сказал бы этого, если бы думал иначе.

Не такой человек.

Но он молчал всю дорогу домой. Это напугало меня. Мне нужно было вернуть старого Тома. Того, который не задумываясь сказал бы: «Да, конечно, я люблю тебя».

Как же мне это сделать?

И тут меня осенило. Оливия. Она бы поняла, что делать.

– Ты торговала наркотиками? – переспросила она, когда я закончила.

Я позвонила ей на следующее утро, как только Том вышел из дома. Надо признать, сказала, что это была «всего лишь» пара таблеток для друзей.

– Ух ты, Сара! – Затем в ее голосе послышалось беспокойство: – Никому не говори, но я раз или два принимала немного кокаина. Том и Хьюго всегда были категорически против подобного. Но все в порядке. Мы сможем с этим разобраться. То есть это же в прошлом, да?

Мне становилось уютно от этого «мы». Я не совсем понимала, почему Оливия вела себя так мило, но оказалось приятно иметь кого-то, с кем можно поделиться.

– Тебе придется пустить в ход все свои женские хитрости, чтобы вернуть его на свою сторону, – добавила она. – Доставляй ему удовольствие в постели. Говори, каким замечательным отцом он будет.

– Попробую, – с сомнением ответила я.

– Эй, давай же! Ты не единственная женщина, которой приходится возвращать своего мужа. Мы с Хьюго тоже переживали плохие времена.

– О чем ты?

– Ну, знаешь, – беззаботно произнесла она, – мелкие придирки, ничего особенного. Как насчет ужина на следующей неделе? Спланируем нашу стратегию, а потом посмотрим кино. Вышел новый фильм с Харрисоном Фордом, а Хьюго не хочет идти.

Отличная идея. Как я ошибалась, недооценивая эту женщину. Оливия была именно тем другом, в котором я так нуждалась. Кем-то, кому я могла доверять.

* * *

Снова начался дождь.

Шины скрипят по асфальту.

Странное ощущение, как будто все это не по-настоящему.

Я начинаю дрожать.

Он замечает.

– Ты не боишься?

– Нет, – говорю я. – Конечно нет.

Глава 13. Том

До Сары я чувствовал себя любимым, только пока была жива мама. Но благодаря жене снова ощущал уверенность в себе.

До этих пор.

– Если ты любишь кого-то, то не обманываешь, – сказал я ей, когда мы опять поссорились через несколько ночей после того, как выяснилась правда. Я знал, что она старается, поскольку в кои-то веки в доме было чисто и она приготовила мой любимый ужин: лосось с гренками.

Но не мог выбросить эту историю из головы. Сара оказалась такой же, как мой отец, который не знал, когда пора перестать пить. Наркоманкой.

Она схватила меня за руку:

– Но разве ты не понимаешь, Том? Именно *потому*, что люблю тебя, я и не могла раньше сказать правду. – Она посмотрела на свой живот. – Не хотела, чтобы ты нас бросил.

– Я бы так не поступил.

Я говорил серьезно. Слишком хорошо знал, каково это, когда ребенка бросают родители. Вот как я воспринял смерть матери. Она словно бросила меня. А должна была изо всех сил стараться, чтобы остаться жить ради меня. Конечно, повзрослев, я понял, что это было невозможно.

И все же в моей голове царил сумбур. Множество мыслей сменяли одна другую. Я должен был как-то найти способ контролировать свой мозг и разобраться в ситуации.

Но когда я позвонил Хьюго с предложением наверстать упущенное и встретиться на следующей неделе после работы – не чтобы подробно рассказать ему о поступке Сары, а хотя бы выпустить пар, что, по-моему, было бы неплохо, – выяснилось, что у него свои проблемы.

– Оливия хочет еще одного ребенка, – сказал он мне в клубе. Мы сидели в укромном уголке бара. Вокруг нас было достаточно шумно, чтобы вести подобную беседу. – Думаю, беременность Сары заставила ее размяться.

– А ты не хочешь третьего?

Он фыркнул:

– Ни за что. Для начала мы не можем его себе позволить. И кроме того, дети давят на нас как на пару. Честно говоря, бывали времена, когда у нас были довольно тяжкие разговоры о разрыве.

– У вас? – потрясенно спросил я. Оливия и Хьюго поженились совсем молодыми – вскоре после университета, где и познакомились. Я не мог представить ни одного из них в паре с кем-то другим. – Ты никогда не говорил мне об этом.

– Ну, я не все тебе рассказываю.

Меня это немного задело. Поэтому я молчал, наблюдая, как Хьюго осушает двойной виски, который опрометчиво заказал в начале разговора. Не впервые я был рад, что не пью.

– Она особенно разозлилась, когда нашла номер телефона той женщины у меня в кармане, – добавил он.

– Что?

– Это ничего не значило. Просто случайная встреча в баре. Дети были еще маленькими. Я совсем не спал и чувствовал, что Оливия интересуется только ими. У меня не было интрижки или чего-то подобного.

– И она тебе поверила? – спросил я.

– Думаю, да.

А я не был настолько уверен.

Он вытер лоб.

– Мы прошли через это. Но у нас ни за что не будет третьего ребенка и всего этого давления. Так что сейчас она ведет себя со мной немного прохладно.

Хьюго махнул рукой официантке.

– Используй это время по максимуму, пока все не закрутилось.

– На самом деле я с нетерпением жду, когда мой ребенок подрастет и мы с ним пойдем в Музей естественной истории и Музей науки, – сказал я.

– Ха! У детей собственные представления о том, что весело, а что нет. Ты это выяснишь. Что касается того, когда он появится, – позаботься о том, чтобы у вас была няня. И что бы ни делал, следи за словом на букву «Р».

– Каким?

– «Р» – режим.

А! Эта тема регулярно всплывала в прочитанных мною книгах о воспитании детей.

– Ты же меня знаешь, Хьюго, я люблю режим.

Он сделал еще один глоток.

– Это ты сейчас так думаешь. Но ее представление о режиме не совпадает с твоим, если моя жена хоть в чем-то разбирается. Наши должны есть каждый день в одно и то же время, иначе можно подумать, что настал конец света. Оливия говорит, что так они чувствуют себя в безопасности. Но это прощание со спонтанностью.

Я сам не был склонен к спонтанности, поэтому испытывал определенное сочувствие к Оливии.

– И, – добавил Хьюго, который уже выглядел слегка опьяневшим, – она даже не допускает того, чтобы отослать их.

– Мы ненавидели интернат, – заметил я.

– Но он был полезен для нас, Уилкинс. – Он стукнул кулаком по столу. Пожилой член клуба, проходя мимо, бросил на нас неодобрительный взгляд. – Научил дисциплине, так ведь?

Ни один из нас не упоминал имени Чэпмена. Я по-прежнему почти каждый день думал о нем. О его жене и детях.

– В любом случае, – продолжал Хьюго, поднимаясь на ноги, – я бы лучше вернулся и притворился, что играю в счастливую семью.

На секунду он выглядел так, словно собирался по-мужски меня обнять, как это делают некоторые парни. Я отступил назад. Такое было не в нашем стиле.

– А как насчет тебя и Сары?

– У нас все хорошо, – ответил я.

– Хочу отдать тебе должное, Том. Когда ты связался с ней, я был поражен. Но теперь все понял. Оливия постоянно твердила, что Сара – глоток свежего воздуха. Я заметил, что они очень сдружились. Оливия все время разговаривает с ней по телефону и кладет трубку, когда я вхожу в комнату. – Его лицо потемнело. – Надеюсь, моя жена не нахватается у нее никаких идей. Твоя Сара вела довольно яркую жизнь, не так ли?

– Что ты имеешь в виду?

– Да ладно тебе, Том. Она же художница.

Я вздохнул с облегчением. На минуту подумал, что Сара, возможно, рассказала Оливии о наркотиках; возможно, даже о торговле ими.

В ту ночь я не мог уснуть. Несмотря на то, что на этот раз Хьюго действительно хорошо отозвался о Саре, я по какой-то причине не мог выкинуть из головы его оскорбление. То самое, которое подхватила малышка Клемми.

«Талоны на питание».

Что, если он с самого начала был прав? Сара и раньше совершала ужасные поступки ради денег. Вдруг и сейчас именно из-за денег она живет со мной?

В конце концов около пяти утра я встал.

– Ты куда? – пробормотала Сара, когда я направился в ванную.

– Мне нужно пораньше приехать на работу. – Это была не совсем правда. Но мне всегда хватало дел. – Спи.

– Вы сегодня даже раньше обычного, – раздался голос.

Это была Хилари, актуарий, которого мы наняли в прошлом году. У нее было впечатляющее резюме. Леди-Маргарет-Холл⁶, Оксфорд. Приличный срок в конкурирующей компании. А теперь она присоединилась к нам. Как и я, Хилари предпочитала приходить пораньше и задерживаться допоздна.

– Мне нужно кое с чем разобраться, – сказал я.

– Мне тоже.

Нас перевели в офис открытого типа – то, что я ненавидел. Мне необходимо собственное пространство. Но я не возражал, когда мы с Хилари были вдвоем. Она не вступала в разговоры и не мешала мне, сообщая, что идет за кофе, и спрашивая, взять ли мне.

Однако сегодня я не мог сосредоточиться. Цифры, которые всегда успокаивали меня, скакали перед глазами. Я мог думать лишь о том, что моя жена не только принимала наркотики. Она еще и продавала их.

В какой-то момент я застонал.

– Что-то не так? – спросила Хилари.

Я поднял глаза. Она отличалась от других женщин в офисе, которые носили туфли на высоких каблуках, больше подходившие для вечернего выхода. Еще она не пользовалась косметикой. Ей даже нравились кроссворды. И я знал об этом только потому, что однажды утром, когда мы ждали лифт до офиса, она заканчивала разгадывать один в своей газете.

– Если не возражаете, я скажу, – произнесла она сейчас, – что на плечи вам, похоже, свалилась вся тяжесть мира.

Не самое оригинальное замечание, но оно успокоило меня своей старомодной фамильярностью. А еще несколько удивило. Я никогда не заводил дружеских отношений в офисе. Приходишь на работу. Стараешься изо всех сил. И держишь личную жизнь при себе.

– Вовсе нет, – торопливо ответил я. – Напротив. Я просто немного устал. Моя жена беременна и плохо спит.

– Замечательная новость, – сказала она. – Я о беременности. Не знала об этом.

Потому что я не оповещал об этом по радио. Никто не знал ни о выкидышах Сары, ни об ЭКО. Я намеренно держал все это при себе. Последнее, чего мне хотелось бы, это чтобы кто-нибудь спрашивал, как я себя чувствую.

И все же каким-то образом – понятия не имею каким – вышло так, что я рассказал Хилари обо всем. Без намеков на сомнительное прошлое моей жены, разумеется.

⁶ Первый женский колледж в Оксфорде, основанный в 1878 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.